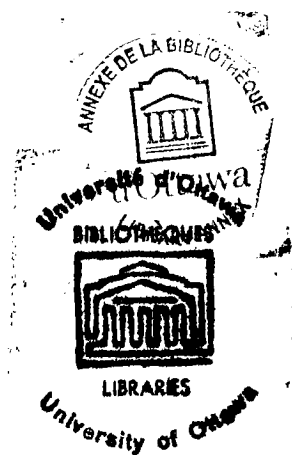

ОБЗОР РАЗВИТИЯ АКМЕИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
С ОСОБЫМ УЧЕТОМ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

DEVELOPMENT OF THE ACMEIST MOVEMENT
WITH SPECIAL ATTENTION GIVEN TO THE LITERARY WORK
OF OSIP MANDEL'SHTAM

by Anne M. Iverson

Thesis presented to the Department of
Slavic Studies of the University of
Ottawa as partial fulfillment of the
requirements for the degree of Master
of Arts

*Reque granted
July 20th 1966
Institution f. om
Secretary*

Ottawa, Ontario, 1966

UMI Number: EC56031

INFORMATION TO USERS

The quality of this reproduction is dependent upon the quality of the copy submitted. Broken or indistinct print, colored or poor quality illustrations and photographs, print bleed-through, substandard margins, and improper alignment can adversely affect reproduction.

In the unlikely event that the author did not send a complete manuscript and there are missing pages, these will be noted. Also, if unauthorized copyright material had to be removed, a note will indicate the deletion.

UMI Microform EC56031
Copyright 2011 by ProQuest LLC
All rights reserved. This microform edition is protected against
unauthorized copying under Title 17, United States Code.

ProQuest LLC
789 East Eisenhower Parkway
P.O. Box 1346
Ann Arbor, MI 48106-1346

ACKNOWLEDGMENTS

This thesis was prepared under the supervision of K. A. Papmehl, Ph.D., of the Department of Slavic Studies of the University of Ottawa.

The writer is very much indebted to Dr. Papmehl for his valuable direction in the preparation of this thesis, and to Professor C. Bida, Head of the Department of Slavic Studies, for additional help and advice.

Assistance in the form of a Province of Ontario Graduate Fellowship is also gratefully acknowledged.

CURRICULUM STUDIORUM

Anne M. Iverson was born June 19, 1923, in Nelson, British Columbia. She received the Bachelor of Arts (Honours) degree in French Literature from the University of British Columbia, Vancouver, British Columbia, in 1948. She received the Master of Arts degree in Romance Studies from the University of British Columbia, Vancouver, British Columbia, in 1963. The title of her thesis was Proust et Mandel'shtam à la recherche du temps perdu.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава	страница
ВВЕДЕНИЕ	v
I. - АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА	1
1. Распад символизма и возникновение акмеизма в начале второго десятилетия XX века	1
2. Кредо "акмеизма"	9
3. Творчество трех из крупнейших акмеистов: Н. Гумилева, А. Ахматовой, С. Городецкого	12
II. - РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА.	25
1. Бунт Мандельштама против символизма: статьи "Утро акмеизма", "Слово и культура", "О природе слова"	26
2. Мандельштам как практикующий акмеист: литературный стиль и язык	29
3. Богатая эрудиция Осипа Мандельштама	36
III. - ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА	39
1. Стремление к "зауму" в позднем творчестве	39
2. Связь в поздней поэзии Мандельштама и с темой и с формой символизма	43
а/ Тематика Мандельштама	43
б/ Поэтический жанр Мандельштама	47
в/ Словесная магия Мандельштама	48
IV. - РАСПАД АКМЕИЗМА	61
1. Трагическая судьба адамистов-акмеистов	61
2. Упорная борьба Вл. Нарбута и М. Зенкевича против художественной эстетизации мира	63
3. "Превращение" нескольких акмеистов в певцов революции	66
V. - АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	68
1. Пути развития советской литературы	68
2. Акмеистические тенденции в творчестве Н. Тихонова	71
3. Отзвуки акмеистического кредо в литературной деятельности В. Саянова	75
4. Акмеистическое происхождение Э. Багрицкого	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	87
БИБЛИОГРАФИЯ	90
<u>КОНСПЕКТ ДИССЕРТАЦИИ Обзор развития акмеистического движения с особым учетом литературной деятельности Осипа Мандельштама</u>	98

ВВЕДЕНИЕ

Нынешнее растущее увлечение — и в Советском Союзе, и за границей — великолепным творчеством акмеиста Осипа Мандельштама указывает на необходимость внимательного осмотра литературной деятельности этого гениального писателя на фоне акмеистического движения двадцатого века.

До сих пор очень мало написано относительно важного значения акмеистического направления в русской литературе. Существует множество отрицательных статей о "декадентстве" акмеистической литературы вообще и о несозвучии эпохе творчества главных акмеистов Гумилева, Ахматовой и Мандельштама. Правда, что некоторые известные критики, и в Советском Союзе /как, например, Жирмунский, Селивановский, Эренбург/, и в эмиграции /особенно Мирский и Струве/ дали очень положительные оценки о достижениях главных акмеистов, но тем не менее, значение литературного направления акмеизма еще точно не определено. Много написано по поводу литературной деятельности главных представителей акмеизма, Гумилева, Ахматовой, Мандельштама, например, проф. Страховским: Craftsmen of the Word. Three Poets of Modern Russia; "The Silver Age of Russian Poetry"; проф. Мирским: "Poetry after 1912", A History of Russian Literature. К несчастью, значительное творчество меньших акмеистов Городецкого, Зенкевича, Нарбута почти не отмечено критиками. Это — серьезный пробел в

ВВЕДЕНИЕ

vi

истинной оценке значения акмеистического движения.

Проф. Ренато Пожжиоли указывает, что в основном русле развития советской литературы шли писатели более или менее связанные с акмеистическим движением. Однако, вопрос влияния акмеистов на советских преемников как, например, Н. Тихонова, Виссариона Саянова, Э. Багрицкого, был редко затронут литературными критиками, — хотя влияние адамистов-акмеистов было очень значительно.

В своем ценном рассуждении по поводу творчества Осипа Мандельштама проф. Глеб Струве пытается разрешить интересный вопрос о сходстве позднего Мандельштама с символистами. В нашей диссертации этот вопрос внимательно рассмотрен.

Нам казалось, что самый выгодный подход ко всем этим вопросам был бы сосредоточить внимание на акмеистическом лагере вообще — со специальным учетом творчества самого выдающегося /по нашему мнению/ представителя этого течения, Осипа Эмильевича Мандельштама.

Первое собрание стихов Мандельштама, напечатанное в 1913 г. упрочило репутацию этого поэта как видного члена группы молодых "модернистов", которые под именем "акмеистов" резко противопоставили себя предшествующему течению символизма. Акмеисты отвергали мир "соответствий" Бодлера и резко отрекались от всех мистических восприятий символистов. Эти "нео-классицисты", в том числе и лидеры Н. Гумилев и С. Городецкий и выдающиеся поэты Анна Ахматова, О. Мандельштам,

ВВЕДЕНИЕ

vii

Вл. Нарбут, М. Зенкевич, сосредоточивали внимание на внешности и плотности лингвистического символа больше чем на его мистическом внушении /как это делали символисты/, — то есть, на языковом знаке как таковом более чем на его определенном предмете. В "звериности" и возвращении к первобытному человеку адамисты-акмеисты видели выход из символистского "малокровия" и возврат к реализму и к воспеванию действительности.

К несчастью, у акмеистов был резкий разрыв между теорией и практикой. Реальность в их поэзии — не предмет внешнего мира, а "слово, как таковое". Поэзия акмеистов чаще всего не давала четкого изображения действительности. В сознании акмеистов все преломлялось по-особенному. Абстрактные туманно-религиозные образы наводняют стихи Гумилева. Мандельштам боялся действительности, искал спокойствия в мире иллюзий: в своем художественном творчестве он воспринимает мир не как живую, плотную реальность, а как нечто прозрачное, брошенное на настоящую жизнь. Несмотря на то, что в преодолении поэтики символизма с его торжественной, романтической мистикой Анна Ахматова была более решительна чем другие акмеисты Гумилев и Мандельштам, тем не менее яркий индивидуализм и идеализм характерны для поэзии Ахматовой. Она всегда стремилась к "земной" поэзии — но в субъективно-своеобразном понимании. Городецкий, как акмеист, является более теоретиком и пропагандистом, чем

ВВЕДЕНИЕ

viii

практическим представителем новых акмеистических идей.

Нарбут и Зенкевич в гораздо большей степени, чем другие акмеисты, обратились к земле. В своей поэзии они очень мало связаны с художественными традициями символистов.

Как будет указано дальше, акмеизм, в конечном счете, стал не разрушителем, а скорее реформатором символизма. Если символизм был весь в музыке, то акмеизм — в живописи и в пластичности.

Акмеизм, как литературное направление, распался в первый же период революции. Некоторые из акмеистов, например Гумилев, Ахматова, Мандельштам не смогли примириться с революцией. Другие, в том числе С. Городецкий, Вл. Нарбут, М. Зенкевич, вошли в советскую поэзию — но они не успели найти новых путей.

Сильное влияние акмеистического кредо не прекратилось после серьезных неудач акмеистов во время революции. Акмеистические приемы очевидны и до сих пор в советской поэзии — особенно в творчестве Н. Тихонова, Виссариона Саянова и Э. Багрицкого. Список таких последователей можно продолжать до наших дней.

Роль акмеизма в русской литературе весьма значительна. Акмеизм ввел в искусство сильное влечение к архитектурно-скульптурным формам, тяготение к классической тематике, пластичность образов и законченность ритмики. С точки зрения совершенствовании художественной формы, простота и

ВВЕДЕНИЕ

1x

эпиграмматичность словесной формулы акмеистов представляли собой величайшую ценность.

В предлагаемой диссертации мы постараемся привести самые значительные данные в развитии акмеистического движения с самого его начала до настоящего времени с особым учетом литературной деятельности Осипа Мандельштама.

В первой главе мы должны рассмотреть вопрос распада символизма и возникновения акмеизма в начале второго десятилетия двадцатого века. Потом нужно обратить внимание на кредо "акмеизма" и творчество трех главных лидеров этого литературного течения: Гумилева, Ахматовой и Городецкого. Во второй главе говорится о раннем творчестве Осипа Эмилевича Мандельштама, выдающегося представителя акмеистического движения. Третья глава касается стремления к "зауму" в позднем творчестве Мандельштама и связи в его поэзии с темой и с формой символизма. Здесь мы рассмотрим тематику, поэтический жанр и словесное мастерство позднего Мандельштама. В четвертой главе мы обратим внимание на то, что во время революции школа акмеистов распалась. Несколько акмеистов остались непоколебимыми до конца, другие с отчаяния прекратили литературную деятельность, так как меньшие члены адамистов-акмеистов вошли в советскую поэзию, но потерпели неудачи. Затем мы рассмотрим разные пути развития советской литературы и продолжающиеся акмеистические тенденции в творчестве советских поэтов Тихонова, Саянова и Багрицкого.

ВВЕДЕНИЕ

x

В заключение, мы передадим свой опыт и выводы в краткое изложение.

В конечном итоге мы надеемся, что этот обзор акмеистического движения в русской литературе окажется полезным для большего понимания течения акмеизма, как логического завершения символизма, и для более глубокой оценки поэтического творчества Осипа Мандельштама.

ГЛАВА 1

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА1. Распад символизма и возникновение акмеизма
в начале второго десятилетия двадцатого века.

С новым веком пришло новое ощущение жизни и искусства. Стало ясно, что символизм был возможен только для отдельных частей произведения искусства, а не для его созданий в целом. Темы и образы, привлекавшие символистов, трактовались ими поверхностно, с преобладающим кладбищенски-похоронным тоном. Настроения тоски и уныния играли огромную роль, пессимистические мотивы переплетались с религиозной мистикой. Поэты-символисты не могли передать в стихах тайного содержания души; только намеками они выразили свои мрачные понятия духовного мира. Мало-помалу наблюдался в самом символизме поворот в сторону нового реализма. Для большинства второстепенных символистов 1917 год означал выпадение из числа действующих сил. Некоторую поэтическую активность до последнего времени проявлял только М. Кузмин. Революция ускорила полный крах этой крайне эстетической группы поэтов.

В виде художественной реакции в недрах символизма возникало новое литературное течение акмеизма. Это течение, выявившееся в начале второго десятилетия 20-го века, резко

противопоставило себя символизму, который кончил свой круг развития и уже падал. Термин "акмеизм" произведен от греческого слова "акмэ". Даже в этом названии видно было стремление противопоставить его декадентскому течению символизма.

Выразителем кредо нового движения акмеизма явился журнал под руководством С. Маковского, "Аполлон", ставший впоследствии главным органом акмеизма. "Мы будем бороться за сильное и жизненное искусство за пределами болезненного распада духа", — заявила редакция в первом номере журнала.

В этом же номере за 1913 г. были напечатаны две статьи, которые стали программой оформившейся к тому времени акмеистической школы: "Наследие символизма и акмеизм" Н. Гумилева, и "Некоторые течения в современной русской поэзии" С. Городецкого. Эти статьи отталкивались от символизма и формулировали основные принципы акмеизма.

"На смену символизма — писал Гумилев — идет новое направление, как бы оно ни назвалось, акмеизм ли /от слова *ἄκμῃ* — высшая степень чего либо, цвет, цветущая пора/ или адамизм /мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь/, во всяком случае требующее большого равновесия сил и более точного знания отношений между суб'ектом и об'ектом, чем то было в символизме. Однако, чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом

 . . . Подобно тому, как французы искали новый, более свободный стих, акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов, более чем когда либо вольной перестановкой ударений, и уже есть стихотворения,

написанные по вновь продуманной силлабической системе стихосложения.

Наконец, высоко ценя символистов за то, что они указали нам на значение в искусстве символа, мы не согласны приносить ему в жертву прочих способов поэтического воздействия и ищем их полной согласованности. Этим мы отвечаем на вопрос о сравнительной, прекрасной трудности двух течений: акмеистом труднее быть чем символистом, как труднее построить собор, чем башню. А один из принципов нового направления — всегда идти по линии наибольшего сопротивления".¹

О влиянии других писателей на акмеистические взгляды,

Гумилев делал вывод:

"Всякое направление испытывает влюбленность к тем или иным творцам и эпохам. Дорогие могилы связывают людей больше всего. В кругах, близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье. Подбор этих имен не произволен. Каждое из них — краеугольный камень для знания акмеизма, высокое напряжение той или иной его стихии. Шекспир показал нам внутренний мир человека, Рабле — тело и его радости, мудрую физиологичность. Виллон поведал нам о жизни, нисколько не сомневающейся в самой себе, хотя знающей все, и Бога, и порок и смерть, и бессмертие; Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соединить в себе эти четыре момента — вот та мечта, которая объединяет сейчас между собой людей, так смело назвавших себя акмеистами".²

Статья Городецкого обнаружила много новых идей по этому вопросу:

. . . Борьба между акмеизмом и символизмом, если это борьба, а не занятие покинутой крепости, есть, прежде всего, борьба за э т о т мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу

1 Н. С. Гумилев, "Наследие символизма и акмеизм", Аполлон, С-Петербург, № 1, январь, 1913, стр. 42-43.

2 Там же, стр. 44-45.

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

4

планету Землю. Символизм, в конце концов, заполнив мир "соответствиями" обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самоценность. У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чемнибудь еще. Звезда Маир, если она есть, прекрасна на своем месте, а не как невесомая точка опоры невесомой мечты. Тройка удала и хороша своими бубенцами, ямщиком и конями, а не притянутой под ее покров политикой. И не только роза, звезда Маир, тройка — хороши, т.е. не только хорошо все уже давно прекрасное, но и уродство может быть прекрасно. После всяких неприятий мир бесповоротно принят акмеизмом, во всей совокупности красот и безобразий. Отныне безобразно только то, что безобразно, что недоволощено, что завяло между бытием и небытием.³

Акмеизм выступал противником символизма, но эта вражда носила довольно половинчатый характер. Акмеизм стал не разрушителем, а просто реформатором символизма. Н. Гумилев писал в цитированной статье:

Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом. Некоторые его искания в этом направлении почти приближались к созданию мифа. И он в праве спросить идущее ему на смену течение, только ли звериными добродетелями оно может похвастаться и какое у него отношение к непознаваемому. Первое, что на такой вопрос может ответить акмеизм, будет указанием на то, что непознаваемое, по самому смыслу этого слова, нельзя познать.

. . . Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками — вот принцип акмеизма.⁴

3 С. Городецкий, "Некоторые течения в современной русской поэзии", "Аполлон", № 1, 1913 г., стр. 48.

4 Н. Гумилев, "Наследие символизма и акмеизм", стр. 43.

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

5

Лидеры акмеизма — Н. Гумилев, С. Городецкий, О. Мандельштам — начали свою поэтическую работу в качестве учеников символизма. Мистико-религиозные мотивы окрашивали творчество многих из акмеистов, в особенности поэзию Анны Ахматовой. Часто обнаруживается компромиссность акмеистической полемики против символизма. Символизм стремился выразить "непознаваемое" в искусстве. Акмеизм, сближая поэзию и религию по самому принципиальному их характеру, ограничивал поэзию кругом "э т о г о мира".

Различие двух школ сказывалось в понимании сущности искусства в стиле и в традициях. Символисты выдвигали слова Верлена: "музыка, музыка прежде всего, все остальное — чернила и проза". Этому акмеисты противопоставляли слова Теофиля Готье:

"Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней: —
Стих, мрамор иль металл".⁵

В основании своей платформы акмеисты опирались на традиции французского Парнаса. В поэзии Теофиля Готье Гумилев видел проявление "непосредственности" провозглашаемой акмеистами. Акмеисты, в том числе Осип Мандельштам, как бесстрастные архитекторы, употребляли в поэзии только "бесстрастный материал".

Если символизм был весь в музыке, то акмеизм — в живописи, в линии и краске. Если символизм — в представлении

⁵ Алексей Селивановский, Очерки по истории русской поэзии, Москва, Госиздат, "Худ. Лит.", 1936, стр. 49-50.

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

6

Н. Гумилева — тяготел к "германскому духу", то акмеизм — к "романскому", к полнокровной ясности мира. Акмеизм в лице Н. Гумилева и О. Мандельштама требовал четкой логики поэтического образа. Еще в 1910 г. М. Кузмин, тяготевший к акмеизму, писал в журнале "Аполлон":

"Пусть душа ваша цельна или расколота
 . . . умоляю, будьте логичны — да простится мне этот
 крик сердца! — логичны в замысле, в постройке
 произведения, в синтаксисе . . . будьте искусным,
 зодчим, как в мелочах, так и в целом . . . в рассказе
 пусть рассказывается, в драме пусть действуют, лирику
 сохраните для стихов, любите слово, как и подлинное,
 и вы найдете секрет дивной вещи — прекрасной ясности,
 которую называл бы я — кларизмом.⁶

Мы можем назвать Кузмина последним русским символистом. Он связан с символизмом глубоким мистическим характером своих переживаний. Тем не менее, в детской мудрости творчества Кузмина уже намечается путь к преодолению символизма.

В проникательной статье "Преодолевшие символизм"

В. М. Жирмунский пишет:

Для свободного и благостного взора мира, он любит конечный мир и милые грани между вещами, а также и грани между переживаниями, которые, даже восставая из Дионисийских глубин символизма, всегда носят след "аполлонийской" ясности. При этом Кузмин — большой и взыскательный художник слова.⁷

Поколение поэтов, которое следовало за Кузминым, может быть названо преодолевшим символизм.

⁶ Михаил Кузмин, "О прекрасной ясности", Аполлон, январь, 1910 г., стр. 49-50.

⁷ В. М. Жирмунский, "Преодолевшие символизм", Русская мысль, № 12, Москва, 1916, стр. 27.

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

7

Зимой 1912-1913 гг. несколько молодых поэтов сознательно отделились от символизма как литературной школы. "Акмеистами" был основан маленький стихотворный журнал /с издательством "Гиперборей". Программа "гиперборейцев" — простой и точный психологический эмпиризм.

Акмеисты упрекали символистов в том, что у них музыкальный ритм неясный — в противовес этому они выдвинули смысловое значение слова. Акмеизм принимал слово во всем его об'еме: и в музыкальном, и в живописном, и в идейном. Поэты-акмеисты предлагали графику и живопись вместо музыки, и в то же время утверждали вечную плотность мира. "Искусство знает только квадрат, только круг. Искусство есть прочность", писал Городецкий. Акмеисты отказались от прорывов в "непознаваемое" /"Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, какие сами можем построить" — О. Мандельштам/. Точность эпитетов и внимание сосредоточенное на об'емных вещах характеризировали творчество акмеистов. Акмеисты выразили идеи, характерные для всего фронта поэзии 1910-х годов.

Юные акмеисты испытали благотворное влияние Иннокентия Анненского, эллиниста и одного из лучших лирических поэтов двадцатого века. Гумилев, первый из современников Анненского, понял его огромное значение как воплощение современной чувствительности. Другой эллинист, человек блестящего ума и эрудиции, Вячеслав Иванов, оказал сильное влияние на Гумилева и на других акмеистов. Только

на фоне мистико-философских стремлений Вячеслава Иванова и Мережковского можно называть стихи акмеистов "утверждением реализма". Поэзия акмеистов не дала четкого реалистического изображения действительности. В сознании акмеистов все преломлялось по-особенному. Гумилев сам писал, что не в объекте, а в субъекте лежит основание для радостного любования бытием.

Некоторые представители этого литературного направления называли себя "адамистами" /от имени "Адам", т.е. "первый человек"/, или "кларистами" /от латинского "clarus", т.е. "ясный"/. Поэзия кружка "Цех поэтов" характеризовались крайним индивидуализмом и эстетством.

Наряду с участниками "Цеха поэтов" следует отнести к акмеистическому лагерю Н. Гумилева, А. Ахматову, О. Мандельштама, С. Городецкого, а также М. Зенкевича, Г. Иванова, В. Нарбута, Г. Адамовича, Н. Оцупа и И. Одоевцеву. В том числе действовали поэты организационно не принадлежавшие к акмеизму: М. Кузмин, В. Садовский, С. Маковский, А. Тиняков, М. Волшин и В. Ходасевич. Внутреннее родство и единство настроения объединили молодое поколение: отказ от мистического восприятия и углубления явлений жизни, упорный словесный труд, непреклонное изгнание хаоса. Душевное содержание молодых поэтов воплотилось в слове. Сужение душевного мира привело их к высокой сознательности в обращении со словом, к четкой графичности и точному словосочетанию.

Ныне сужение душевного мира опять дает возможность быть графичным, четким, и рассудительным. У Ахматовой это сужение проявляется в отказе от погружения в единую целостную и хаотическую глубину души, в любви к переживаниям ясным, раздельным и, по необходимости, периферическим; у Мандельштама—в полном исключении личности поэта из его поэзии, в растворении ее в созерцании чужих художественных культур; у Гумилева —в исключительной любви к экзотической балладе, как к об'ективному, неиндивидуальному выражению душевного опыта; у младших "гиперборейцев"—в тесноте кругозора, в душевном обеднении, в миниатюрном, игрушечном характере всех переживаний.⁸

2. Кредо "акмеизма".

В сборник "Чужое небо", Н. Гумилев включил четыре стихотворения Теофиля Готье. Первое из этих стихотворений может рассматриваться как сжатая форма кредо акмеизма:

Искусство

Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней—
Стих, мрамор иль металл.

О светлая подруга,
Стеснения гони,
Но туго
Котурны затяни.

.

Прекрасная темница!
Сквозь бронзу Сиракуз
Глядится
Надменный облик муз.

Рукою нежной брата
Очерчивая уклон
Агата—
И выйдет Аполлон.⁹

⁸ В. М. Жирмунский, "Преодолевшие символизм", стр. 55.

⁹ Н. Гумилев, "Искусство" /Переводы из Теофиля Готье/, Избранное, Париж, Librairie des cinq continents, 1959, стр. 227.

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

10

В предреволюционной поэзии акмеизм выступил против "поэтически-туманной" поэзии символизма, восстанавливая понимание меры в поэзии и смыслового значения поэтического слова. Иначе говоря, акмеизм стремился вернуть стих с эфирных абстракций на конкретную почву.

Технологические элементы акмеистического стиха состояли из:

- 1/ живописно-скульптурного принципа построения образа.
- 2/ точности и меры в описаниях.
- 3/ четкости композиционных конструкций.

В конечном счете торжествовал главным образом один закон: мастерство в строе мыслей и чувств. Акмеисты утверждали, что исключительно реальное в искусстве — само произведение искусства. Реальность в поэзии — не просто предметы действительности, а "слово как таковое". Для акмеистов сознательный Логос занял место музыки символистов. Как реакция против символизма, акмеизм может быть охарактеризован как "нео-классицизм".

В сущности акмеизм у нескольких поэтов-акмеистов значительно придуман. Нео-классическое лицо акмеизма нашло себе полное выражение не в творчестве главных представителей акмеизма, Гумилева и Городецкого, а в поэзии Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама. Мандельштам воспринимал акмеизм не только как литературное явление, но и как общественное нововведение, которое возродило в русской поэзии нравственную

силу и эллинистическую простоту мысли. В статье "О природе слова" Мандельштам провозгласил: "Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событии... Ни один язык не противится сильнее русского назывательному и прикладному назначению. Русский номинализм, то есть, представление о реальности слова, как такового, животворит дух нашего языка и связывает его с эллинской филологической культурой не этимологически и не литературно, а через принцип внутренней свободы, одинакого присущей им обоим".

Для Городецкого и Гумилева одной из черт акмеизма была "зверинность", то есть, биологическая "воля к жизни". Анна Ахматова не выходила за пределы личных, интимных мотивов, но мы наблюдаем у нее характерное для акмеизма изменение поэтического словаря—разговорно-житейское снижение в противоположность словарю символистов, решительный отказ от "эфирных осиянностей" Вячеслава Иванова и балломонтовских "безглагольностей".

Акмеисты любили интенсивный колорит, рельефные отчетливые формы, стройность и размеренность линий. Вместо абстрактных рассуждений символистов они требовали "простых ответов". Акмеисты-адамисты хотели спуститься с облаков на землю. Они упорно стремились перейти от "музыки прежде всего" к простой пластической изобразительности. Как творцы вещей они славили нового Адама, становились "вещелюбами". Для них "роза опять стала хороша по себе, своими лепестками,

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

12

запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чемнибудь еще".¹⁰ В конце концов, акмеисты-адамисты хотели /как хотел Теофиль Готье/ живописать и высекать из мрамора. В своем ломком "фарфоровом" стихе акмеисты-поэты как, например, Анна Ахматова, сочетали и живопись и пластику.

3. Творчество трех из крупнейших акмеистов: Н. С. Гумилева, Анны Ахматовой, С. Городецкого.

К 1911 году относится рождение организации "Цех Поэтов". Вместе с Н. Оцупом, Г. Ивановым и Г. Адамовичем, Гумилев оживлял этот цех поэтов, который был "беспартийным". Как уже было упомянуто выше, эта группа вскоре превратилась в организацию поэтов-акмеистов, и при ней возник небольшой журнальчик "Гиперборей", выходивший в 1912-1913 гг. Члены этого нового направления отворачивались от искусства "декаденса" и стремились создать ясную поэзию позднего классицизма.

Н. С. Гумилев /1886-1921/: Признанный глава акмеистической школы.

В акмеистическом лагере Николай Гумилев играл очень видную роль. Он был признанным поклонником ясности и художественного бесстрастия в искусстве. В роли вдохновенного организатора Цеха, Гумилев крепко утверждал поэзию

¹⁰ С. Городецкий, "Некоторые течения в современной русской поэзии", стр. 48.

как ремесло. Из номера в номер в журнале "Аполлон" он печатал свои "Письма о русской поэзии".

Несмотря на то, что африканская поэзия Гумилева была весьма конкретной и современной по существу, в сравнении со средствами выражения Пушкина или Лермонтова, у Гумилева роскошь барокко. В патетике стиля Гумилева выявляется след его романтической наклонности. В цикле африканских стихов Гумилев расширил географические границы русской поэзии. В этом он перекликается с Пушкиным и Лермонтовым. Истинная экзотика своего рода — оправдание романтизма.

Везде очевидна глубокая радость поэта перед лицом тропической природы:

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во чтонибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай ... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.¹¹

В книге Шатер стихи Гумилева говорят о том захватывающем очаровании, которое имел для него африканский материк.

Колдовская страна! Ты на дне котловины
Задышаешься, льется огонь с высоты,
Над тобою разносится крик ястребиный,
Но в сиянье заметишь ли ястреба ты!

11 Н. Гумилев, "Жираф" /Романтические цветы/, Собрание сочинений, Вашингтон, Victor Kamkin, Inc., 1962, стр. 76-77.

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

14

Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы,
Слишком много здесь этой паленой травы ...
Осторожнее! В ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы.¹²

Для акмеистов характерен был культ сильного человека-завоевателя, особенно примечателен в творчестве Николая Гумилева. В его стихах есть изобилие персонажей, в том числе конквистадоры, воины, рыцари. В годы войны Гумилев сменил конквистадорские доспехи на оружие добровольца. В войне поэт увидел осуществление своих ранних идеалов. Рядом с военными стихами Ахматовой, стихи Гумилева самые выдающиеся в поэзии мировой войны:

Победа, слава, подвиг — бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос Господа в пустыне.¹³

Богатый цикл труда Гумилева связан с темой любви к женщине. Его стихи насыщены жадой и тоской по утраченной любви. В "Дон-Жуане" мы видим в последних строчках замечательную точность и силу поэта:

Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.¹⁴

Борьба с демонизмом в самом себе — преобладающая нота гумилевской лирики. Тем не менее, в религиозно-философском цикле есть стихи проникнуты верой и мыслей о цели жизни:

12 Н. Гумилев, "Абиссиния" /Шатер/, Избранное, стр. 106.

13 Там же, стр. 146.

14 Там же, стр. 48.

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

15

И счастьем душа обожжена
 С тех самых пор; веселием полна
 И ясностью, и мудростью, о Боге
 Со звездами беседует она,
 Глас Бога слышит в воинской тревоге
 И Божьими зовет свои дороги.¹⁵

Религиозность Гумилева всегда помогала ему увидеть в мировой трагедии высший смысл:

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
 А жизнь людей мгновенна и убога,
 Но все в себе вмещает человек,
 Который любит мир и верит в Бога.¹⁶

Русь для Гумилева весьма таинственная и верующая:

Русь бредит Богом, красным пламенем,
 Где видно ангелов сквозь дым ...¹⁷

В России в эпоху военного коммунизма Гумилев пытался удалиться в область видений, что было связано у него со влечением к таинственному:

Шел я по улице незнакомой
 И вдруг услышал вороний грай,
 И звоны лютин, и дальние громы —
 Передо мною летел трамвай.¹⁸

После Октябрьской революции акмеисты стали усердно проповедовать аполитичное "чистое" искусство. Знаменосцем этого "чистого искусства" и "беспартийности" стал Николай

15 Н. Гумилев, Избранное, стр. 132.

16 Там же, стр. 127.

17 Н. Гумилев, "Старые усадьбы", Собрание сочинений, стр. 215.

18 Н. Гумилев, Избранное, стр. 206.

Гумилев. С самого начала он не скрывал своего отрицательного отношения к большевицкому режиму — о политике он почти не говорил. "Цех поэтов", также проповедывавший "беспартийность", всегда имел контрреволюционный характер. В 1921 г. Гумилев был назван участником контрреволюционного заговора против советской власти.

Предчувствие личной гибели пронизывает всю поэзию Николая Гумилева. Для него, поэт—существо обреченное, то есть, судьба у поэта предопределена:

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья,
ни соковищ!
Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза
чудовищ,
И погибни славной смертью, страшной смертью
скрипака! 19

Подводя итоги, можно сказать, что уже в ранних стихах Гумилева появились черты, которые сделали его вождем нового направления. Его открытое мировоззрение и простая мужественность отличают его от других представителей нового течения. Он сам сознал свое одиночество среди молодого поколения:

"Я злюсь, как идол металлический/ Среди фарфоровых игрушек"²⁰

Его стихи редко обнаруживали его личные переживания. Для выражения своего настроения он создал об'ективный мир и гениально употреблял повествовательный стиль и полуэпическую

19 Н. Гумилев, Избранное, стр. 44.

20 Там же, стр. 146.

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

17

форму. Муза Гумилева — это муза дальних странствий. Мир Гумилева — напряженный, экзотически красочный, патетический, но весьма мужественный:

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.²¹

Хотя Гумилев не был "конквистадором в панцире железном", в годы его мучительных испытаний он проявил замечательную храбрость и внутреннюю силу. Он был национальным поэтом в самом глубоком смысле этого слова.

Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.²²

Анна Ахматова /Горенко/:

Особенно видное место в творчестве поэтов-акмеистов занимает литературная деятельность Анны Ахматовой. Ахматова принадлежит к числу тех поэтов, которые являются как будто яркими звеньями между "серебряным веком" и современностью. За короткий период 1916–1922 гг. вышло четыре сборника стихотворений поэтессы: Белая стая, У самого моря, Подорожник и Анно Домини. Стилистическое совершенство поэзии Ахматовой основывается на тихом трогательном голосе и на музыкальности стиха. Богатство средств выражения велико.

В противоположность символизму стихи Ахматовой не чрезвычайно мелодичны, то есть, элемент музыкальный в них

21 Н. Гумилев, Избранное, стр. 35.

22 Там же, стр. 144.

не преобладает. У поэтессы аллитерации и внутренние рифмы редки — ее стихи производят впечатление не песни, а остроумной беседы или интимного разговора:

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,²³
Несытые взгляды твои!

Поэтическая речь Ахматовой сжатая и простодушна. Мы видим сознательное стремление к простоте выражения чувства, к словам далеким от круга лирической поэзии:

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.²⁴

Эти слова кажутся отрывками живого разговора. Этот простой разговорный стиль обличает в Ахматовой большое художественное мастерство.

Главный мотив стихов Ахматовой — мучительная любовь, вызывающая страдание ревности. Личная трагедия, т.е. разлука с мужем Гумилевым, ярко отражена в поэзии поэтессы:

Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно бледны.
Ах, за то ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.

²³ Анна Ахматова, Избранные стихотворения, Нью-Йорк, Изд. им. Чехова, 1952, стр. 184.

²⁴ Там же, стр. 159.

Если надо — меня убей,
Но не будь со мною суров.
От меня не хочешь детей
И не любишь моих стихов.

Все по-твоему будет: пусть!
Обету верна своему,
Отдала тебе жизнь, но грусть
Я в могилу с собою возьму.²⁵

Круг мотивов поэзии Ахматовой ограничивался главным образом интимными темами как любовь, разлука, ревность. Она почти никогда не выходила за пределы этих личных мотивов:

Сжала руки темной вуалью ...
"Отчего ты сегодня бледна?"
—Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот ...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: "Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру".
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: Не стой на ветру".²⁶

Вот другое стихотворение, весьма трогательное из-за сжатого изображения муки:

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.²⁷

25 Анна Ахматова, Избранные стихотворения, стр. 76.

26 Там же, стр. 228.

27 "Песня последней встречи", там же, стр. 233.

Даже религия играла в поэзии Анны Ахматовой главным образом случайную роль. Религия для поэтессы представлялась просто частью ее переживаний:

А! Это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
.

Прости меня теперь. Учил прощать Господь.²⁸

Муза Ахматовой уже не муза символистов, которая видела в образе женщины отражение вечно-женственного начала. Стихи Ахматовой говорят скорее всего о неизменно-женском:

Не гляди так, не хмурься гневно,
Я любимая, а твоя.
Не пастушка, не королева
И уже не монашенка я, —

В этом сером будничном платье,
На стоптанных каблуках ...²⁹

Несколько ее стихов оказались пророческими, предсказав революцию 1917 года:

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.
.
"Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил".³⁰

28 А. Ахматова, Избранные стихотворения, стр. 102.

29 Там же, стр. 203.

30 Там же, стр. 135.

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

21

Только в 1940 году вышел цикл стихотворений "Ива". Вновь открылись перед Ахматовой двери издательств и журналов. Несмотря на то, что зимой 1941 года Ахматова снова прославилась своими патриотическими стихотворениями, в 1946 году ее творчество было признано "вредным" и "чуждым" советскому народу. Ахматова была исключена из Союза советских писателей и с этого времени ее поэтический голос замолчал.

У Анны Ахматовой особенно прелестный, грандиозный стиль. Она сумела двумя-тремя внешними чертами выразить весь скрытый трагизм личных внутренних переживаний. Для поэтессы любовь не была веселым праздником, а насущным хлебом. Она всегда стремилась к "земной" поэзии — хотя в своеобразно-ограниченном понимании.

Из-за поэтической сдержанности, эпиграмматической графичности и четкого сужения душевного мира, литературная деятельность Анны Ахматовой самая близкая по духу классической традиции. Поэтому эта поэтесса — самый подлинный представитель акмеистического движения.

Сергей Городецкий: Выдающийся основатель акмеистической школы.

В № 162 газеты "Речь" от 17-го июня 1913 г. один из инициаторов "адамизма", С. Городецкий, поместил интересную рецензию о сборнике молодого поэта-адамиста О. Мандельштама "КАМЕНЬ". В этом умном обзоре критик-писатель Городецкий подробно изложил программу нового поколения писателей:

"Избавление слова и смысла, производимое музыкантами, есть его облегчение, дематериализация. И обратно: Приобщение слову смысла есть его отяжеление, воплощение, материализация. Тяжелые слова, т.е. — *fara — fara*, а все обычные наши слова гордятся своим весом и для соединений своих требуют строгих законов, подобно камням, соединяющимся в здания".

Эти строки Городецкого являются простым пересказом стихотворения О. Мандельштама "Notre Dame" из сборника "КАМЕНЬ":

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам. 31

Эта страстная любовь к словам тяжелым и живописным безусловно сказалась в творчестве Сергея Городецкого. В третьей книжке "Аполлон" /Март, 1913 г./ было напечатано стихотворение Городецкого. Это был яркий манифест, в котором он проводил грань между поколением символистов и новым поколением поэтов с их верностью земле:

Прости, пленительная влага
И первоздания туман.
В прозрачном ветре больше блага
Для сотворенных к жизни стран.

Просторен мир и многозвучен,
И многоцветней радуг он
И вот Адаму он поручен,
Изобретателю имен.

Назвать, узнать, сорвать покровы
И праздных тайн и ветхой мглы —
Вот первый подвиг. Подвиг новый —
Живой земле пропеть хвалы.

31 Осип Мандельштам, "Notre Dame", /"КАМЕНЬ"/, Собрание сочинений, Нью Йорк, Изд. им. Чехова, 1955, стр. 53.

АКМЕИЗМ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

23

Эфирные сны символистов уступали место в творчестве адамистов видимому красочному миру. Новый Адам умел отразить покой, мир вещей:

.

По розовому полю
Зеленые цветы.
Не хочешь — приневолю
Неволей красоты.

Всю зиму вышивала
цветные рукава —
Такая рацветала
Весною мурава —

Чтоб розовые руки
Красивей протянуть,
К тебе, моей прилуке,³²
По вешнему прильнуть.³²

.

Он хвалил живую землю и непрерывно боролся "за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю":

Солнце

Стою, всевидящее око,
На страже гаснущих миров.
Мои огни — дыханье рока,
Мое вздыманье без оков.

Во мне родился мир планетный,
И от меня умрет навек,
И цвет растений безответный
И слепо-мудрый человек.³³

.

³² Сергей Городецкий, "Ярь", Собрание стихов, С-П., издание Т-ВА, М. О. Вольф, 1910, стр. 142.

³³ Там же, стр. 11.

Как прямая реакция против символизма, акмеизм может быть охарактеризован как нео-классицизм. Тем не менее, этот нео-классический облик акмеизма нашел себе верное выражение не в поэзии двух основоположников акмеизма, Гумилева и Городецкого, а в поэзии Анны Ахматовой, и отчасти, у Осипа Мандельштама. У Ахматовой — вещьность, преобладание логического элемента в слове, классическая простота и сжатость. Мандельштам — хороший акмеист в многих стихотворениях сборника "КАМЕНЬ", но большая часть стихов его второй книги совсем не похожа на акмеистические стихотворения "КАМНЯ". С еще большей силой это проявляется в стихах его последнего периода. Мандельштам неразрывно связал себя с акмеизмом, как литературным течением, но он относился несколько отрицательно к первоначальному акмеизму лидеров Гумилева и Городецкого.

ГЛАВА 2

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Рядом с Анной Ахматовой и Н. Гумилевым, наиболее крупным представителем акмеизма является Осип Эмильевич Мандельштам /1891 - 1938/. В искусстве владения словом он едва ли уступает Ахматовой, но круг его поэтических интересов гораздо шире. Как и Ахматова, в преобладающей любви к эпиграмматической формуле, Мандельштам обнаруживает сходство с французскими поэтами восемнадцатого века, вообще с поэтикой французского классицизма и отличие от музыкальной и эмоциональной лирики романтиков и символистов. Словесные формулы Ахматовой всегда носят личный характер — ее стихи передают глубину эмоционального волнения поэтессы. У Мандельштама есть более об'ективный взгляд — мы не находим его личных человеческих настроений. В этом отношении он ближе к французам. В труде Мандельштама есть постоянное тяготение к ложно-классическому стилю. Подобно французским поэтам классического века он исходит в своих словесных формулах не из личного душевного волнения, как Ахматова, а строит чисто абстрактные схемы.

Мандельштам — "контр-психологист, каменный отросток, никогда не пятавший своих корней в душевную, хаотическую, безречевую муть; поэт, для которого мир без названий и титуляции не представит, чья величайшая спесь в том, чтобы прийти к вещам последним номенклатором, остроумным соперником тех, кто давал

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

26

вешам имена и определения до него, до его крестинного об'езда богатой и беспорядочной литературной епархии.³⁴

1. Бунт Мандельштама против символизма: статьи "Утро акмеизма", "Слово и культура", "О природе слова".

Горячий проповедник идей акмеизма, Осип Мандельштам определил новое литературное течение как простой возврат от символизма к реализму, к воспеванию действительности. Он утверждал, что Логос для акмеистов такая же прекрасная форма, как музыка для символистов. Реальность в поэзии—не предметы внешнего мира, а "слово как таковое". В статье "Утро акмеизма" /1919 г./ Мандельштам пояснял:

"Медленно рождалось 'слово как таковое'. Постепенно, один за другим, все элементы слова втягивались в понятие формы, только сознательный смысл, Логос, до сих пор ошибочно и произвольно почитается содержанием. От этого ненужного почета Логос только проигрывает; Логос требует только равноправия с другими элементами слова . . . "

Таким образом, акмеизм оказался далек от ходячего представления о нем, как о поэзии изобразительной, которая непосредственно переносила принципы живописи и пластики в поэзию.

В более поздних статьях "Слово и культура" и "О природе слова", вошедших в книгу "О поэзии" /1928/ появились сходные положения. В статье "О природе слова" Мандельштам провозгласил эллинистическую природу русского языка:

34 Н. Верковский, Текущая литература, Москва, Изд. "Федерация", 1930, стр. 160.

Русский язык — язык эллинистический. В силу целого ряда исторических условий, живые силы эллинской культуры, уступив запад латинским влияниям и не надолго загасиваясь в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи, сообщив ей самоуверенную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью.³⁵

.....

... Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие. Поэтому русский язык историчен уже сам по себе, так как во всей своей совокупности он есть волнуемое море событий, непрерывное воплощение и действие разумной и дышащей плоти. Ни один язык не противится сильнее русского назывательному и прикладному назначению. Русский номинализм, то-есть представление о реальности слова, как такового, животворит дух нашего языка и связывает его с эллинской филологической культурой не этимологически и не литературно, а через принцип внутренней свободы, одинаково присущей им обоим.³⁶

В этой же статье русский символизм об'является дже-символизмом, так как подлинным символизмом оказывается именно акмеизм:

... Акмеизм возник из отталкивания: Прочь от символизма, да здравствует живая роза! — таков был его первоначальный лозунг. Городецким в свое время была сделана попытка привить акмеизму литературное мировоззрение, "адамизм", род учения о новой земле и о новом Адаме. Попытка не удалась, акмеизм мировоззрением не занимался; он принес с собой ряд новых вкусовых ощущений, гораздо более ценных, чем идеи, а главным образом, вкус к целостному словесному представлению, образу, в новом органическом понимании. Литературные школы живут не идеями, а вкусами; принести с собой целый ворох новых идей, но не принести новых вкусов, значит не сделать новой школы, а лишь основать поэтику. Наоборот, можно создать

³⁵ О. Мандельштам, "О природе слова", Собрание сочинений, стр. 340.

³⁶ Там же, стр. 340.

школу одними только вкусами без всяких идей. Не идеи, а вкусы акмеистов оказались убийственны для символизма. Идеи оказались отчасти перенятыми у символистов, и сам Вячеслав Иванов много способствовал построению акмеистической теории. Но смотрите, какое случилось чудо: для тех, кто живет внутри русской поэзии, новая кровь потекла по ее жилам. Говорят, вера движет горы, а я скажу, в применении к поэзии: горы движет вкус. Благодаря тому, что в России, в начале столетия, возник новый вкус, такие громады, как Рабле, Шекспир, Расин, снялись с места и двинулись к нам в гости. Подъемная сила акмеизма в смысле деятельной любви к литературе, ее тяжестим, ее грузу — необычайно велика, и рычагом этой деятельной любви и был именно новый вкус, мужественная воля к поэзии и поэтике, в центре которой стоит человек, не сплюснутый в лепешку лжесимволическими ужасами, а как хозяин у себя дома, истинный символизм, окруженный символами, т.е. утварью, обладающей и словесными представлениями, как своими органами.³⁷

В третьей статье "Слово и культура" Мандельштам постулировал культ слова, который может показаться, до некоторой степени, противоречащим главным принципам акмеизма:

Не требуйте от поэзии сугубой вещности, конкретности, материальности. Это тот же революционный голод. Сомнение Фомы. К чему обязательно осязать перстами? А главное, зачем отождествлять слово с вещью, с травой, с предметом, который оно обозначает?

Разве вещь хозяин слова? Слово Психея. Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела.³⁸

Мандельштам никогда не терпел проявления в поэзии односторонней предметности или "сугубой вещности", никогда не

37 О. Мандельштам, "О природе слова", Собрание сочинений, стр. 348-349.

38 О. Мандельштам, "Слово и культура", Собрание сочинений, стр. 325.

позволял своей поэзии зайти в "узкое место" акмеизма.

2. Мандельштам как практикующий акмеист: литературный стиль и язык.

Влияние греческой поэзии сказалось и на лексике и на содержании творчества Мандельштама. Мы не найдем у Мандельштама грандиозных стихотворений в подражание античным темам /как часто бывало в творчестве других поэтов, например в поэзии Майкова и Фета/. Не красочная пышность древности, а ее глубокий трагизм захватил Мандельштама.

Родство с античной поэзией ярко намечалось в первой книге стихов поэта "КАМЕНЬ" /1-е. Изд-во "Акме", Петербург, 1913/. Как теоретик Мандельштам выступил в защиту повторения классических образцов: грека Гомера, римлян Овидия и Катулла. При первом внимательном чтении поэзии Мандельштама ясно, что ее сходство с античной поэзией не только в содержании и лексике, но также в ритмике и звучании стиха:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи —
На головах царей божественная пена —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.³⁹

³⁹ О. Мандельштам, "КАМЕНЬ", Собрание сочинений, стр. 76-77.

Особенно своеобразно отсутствие глаголов в раннем творчестве Мандельштама. Это очень заметно в первых стихотворениях "КАМНЯ", например в стихотворениях "Нежнее нежного":

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И всё твое —
От неизбежного.

От неизбежного
Твоя печаль
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.⁴⁰

В ранней поэзии Мандельштама глаголы, выражающие состояние, чувство, восприятие, гораздо многочисленнее, чем глаголы-действия:

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:

Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.⁴¹

⁴⁰ О. Мандельштам, "КАМЕНЬ", Собрание сочинений, стр. 36.

⁴¹ Там же, стр. 39.

В стихотворении "Поговорим о Риме — дивный град!" активное действие к лирическому герою в самом деле не относится:

Поговорим о Риме — дивный град!
Он утвердился купола победой.
Послушаем апостольское *credo*:
Несется пыль и радуги висят.⁴²

Уклонение от действия в поэзии Мандельштама не является результатом некоего акмеистического презрения к действию. Роли глагола и существительного в содержании поэзии Мандельштама чрезвычайно важны:

Мандельштам не только искренно считал себя акмеистом, но и занимался теоретическим обоснованием акмеизма как литературного течения. Естественно, что один из основных принципов акмеизма, отношение акмеистов к предмету, действует в поэзии Мандельштама: с существительным поэт в дружбе; в "борьбе за время" существительное с самого начала занимает в его поэзии выгодную позицию — оно владелец крепости и остается им во все известные нам периоды творчества Мандельштама, делая в последнем периоде только небольшие уступки глаголу. Оно почти целиком оккупирует область обстоятельственных слов, которые выражены гораздо чаще существительным в косвенном падеже /с предлогом или без него/, чем наречием или деепричастием.⁴³

Стиль Мандельштама интенсивно "сокращал" внешний мир. Фраза несла у него предельную вещевую нагрузку. Писатель заставляет читателей почувствовать в вещах атрибуты, взятые от комплексов, в которых вещи принимают участие:

⁴² О. Мандельштам, "КАМЕНЬ", Собрание сочинений, стр. 63.

⁴³ Ирина Бушман, Поэтическое искусство Мандельштама, Институт по изучению СССР, Мюнхен, 1964, стр. 54-55.

Аптечные телефоны делаются из самого лучшего скарлатинового дерева. Скарлатиновое дерево растет в клистирной роще и пахнет чернилом.

Не говорите по телефону из петербургских аптек: трубка шелушится и голос обесцвечивается.⁴⁴

В телефон упрятана аптека. На телефоне накинута характерные черты аптеки и более отдаленные зоны болезни и медицины: у Мандельштама обнаруживается поразительная фантастичность приема в "скарлатиновом дереве", "клистирной роще" и в "шелушении" телефонной трубки. Из группы вещей вырывается только одна вещь — на нее переносятся признаки остальных, не взятых в фразу. Стиль Мандельштама служит тому, чтобы за вещь виднелась ее "фамилия".⁴⁵

Реалистичность акмеистической поэзии Мандельштама была довольно относительной, и в художественной действительности почти мнимой. От символизма акмеизм уходил не к настоящему реализму, а к условному внешнему реализму. Это свойство акмеизма особенно ярко в деятельности Осипа Мандельштама. Поэзия Мандельштама была не прямым отражением жизни, а отражением ее отражения в искусстве. Ранние стихи отличаются настоящим лиризмом. В своем художественном творчестве он воспринимает мир не как живую, плотную реальность, а как призрачное наброшенное на настоящую жизнь. Жизнь — сон, не реальна, а только призрачна как видение:

44 О. Мандельштам, "Египетская марка", Собрание сочинений, стр. 180.

45 Н. Верковский, Текущая литература, стр. 173.

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

33

Я так же беден как природа
И так же прост как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;
Твой мир болезненный и странный
Я принимаю, пустота!⁴⁶

Поэт усомняется в своем существовании, в реальности своей жизни:

Я блуждал в игрушечной чаще
И открыл лазоревый грот ...
Неужели я настоящий,
И действительно смерть придет?⁴⁷

По его словам, мир — царство смешных игрушек:

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О вещая моя печаль,
О тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!⁴⁸

В. Жирмунский утверждает, что ранние стихи Мандельштама дают возможность проникнуть в душевный мир поэта. В зрелых стихах писателя мы не находим его личных настроений — элемент эмоционального содержания отступает у него, как и у других акмеистов, на задний план:

46 О. Мандельштам, "КАМЕНЬ", Собрание сочинений, стр. 41.

47 Там же, стр. 46.

48 Там же, стр. 35.

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

34

. . . Призрачный и таинственный мир, игрушечный, не настоящий и пугающий, вместе с тем, своею нереальностью; с живой и твердой реальной действительностью, с плотью жизни разорваны все связи, нет корней и зацепок в подлинной жизни, в ее земной плотности и тяжести; что-то своеобразно волнующее и острое, хрупкое, прозрачное и нежное — в таких чертах открывается нам поэтическая душа автора этих стихов.⁴⁹

Некоторые особенности мандельштамовского стиха больше всего отражают склонность поэта к акмеистической стилистике: тяготение к неподвижным архитектурно-скульптурным формам, тяготение к классической тематике и законченности ритмики, полновесность слов и рифмы.

. . . Hence the significance of the title of the poet's first collection, Stone; hence his predilection, rare in Russian poetry, for composition and architecture, for the "frozen music" of pure design. Thus, even when miniscule in scope, Mandel'shtam's art is monumental in quality, and it tries to transform the historical and the temporary into the untimely and the timeless. The poet once affirmed, paradoxically, that the poetry of the Russian Revolution should be classical in temper, and he saluted its advent with a neo-Pindaric ode, not devoid of an elegiac strain, which he entitled "Liberty's Twilight". Yet, as we already know, and as T. S. Eliot averred, a modern poet can be classical only in tendency. That Mandel'shtam must have been aware of the same truth is shown by his splendid poem on Racine, expressing the poet's impossible longing for an art really able to separate, like a stage curtain, the opposite worlds of imagination and reality, of creation and experience. Beyond that curtain, Racine's heroes and heroines are frozen forever in their inflexible stage attitudes. Mandel'shtam yearns likewise for the absolute perfection of a vibrant, and yet motionless, pose, for the fixing of passion in a gesture both conventional and unique. For Hegel, the task of Greek

49 В. Жирмунский, "Преодолевшие символизм", стр. 43.

art, especially of Greek sculpture, was to express life in the moment of habit, rather than in its instant of tension, or in its exceptional phases. Mandel'shtam's neo-classicism is a similar, all-too-modern, attempt to treat stasis as if it were no less a state of grace than ecstasis itself. 50

Одну из важнейших особенностей поэзии Мандельштама составляет эпиграмматичность словесной формы. Тонкость наблюдения и точность взгляда, обобщение в краткой словесной формуле — все эти черты характерны для стиля поэта.

В труде Мандельштама есть постоянное влечение к ложно-классической оде. Подобно французским поэтам классического века, он исходит в своих словесных формулах не из личного эмоционального волнения, как Ахматова, а строит чисто абстрактные словесные схемы.

В советском журнале "Новый мир" М. Рудерман характеризовал стихи Мандельштама как "интересные, значительные", и писал, что "в его торжественных и медлительных строфах, в конкретных и смелых эпитетах, в зрительных образах, в тонкой мелодической инструментовке — та сложная простота, о которой мечтают многие современные эпигоны классиков". 51

50 Renato Poggioli, The Poets of Russia, 1890 - 1930, Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1960, P. 311.

51 М. Рудерман, "Новый мир", 1928, 8, /Стихотворения/.

3. Богатая эрудиция Осипа Мандельштама.

Большая эрудиция этого поэта очевидна во всем его творчестве. У него мы видим обилие литературных реминисценций, обилие стихов о театре, кино, музыке, изображение жизни как какого-либо театрального действия, попытки глядеть на мир глазами давным-давно классических художников слова.

Mandelstam is a man saturated with culture. He has an extensive knowledge of Russian, French and Latin poetry, and most of his poetry is on literary and artistic subjects. Dickens, Ossian, Bach, Notre Dame, St. Sophia, Homer's catalogue of ships, Racine's Phèdre, a Lutheran burial, are among his characteristic subjects. All this is not introduced merely for decorative purposes, after the manner of Bryusov, nor treated as symbols of some Ens Realius, as they would have been by Ivanov, but with genuine historical and critical penetration as individual phenomena with a well-defined place in the current of history. 52

Поэт говорит восторженно о театре Расина, Ибсена; о музыке Баха, Гайдна, Глюка и Моцарта; о живописи Сезанна, Ван-Гога и Клода Моне:

Театр Расина! Мощная завеса
Нас отделяет от другого мира;
.
Я опоздал на празднество Расина! 53

52 D. S. Mirsky, A History of Russian Literature, New York: Alfred A. Knopf, 1955, p. 490.

53 О. Мандельштам, Собрание сочинений, стр. 78.

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

37

Разноголосица какая
В трактирах буйных и церквах,
А ты ликуешь как Исая,
О рассудительнейший Бах! 54

"Здравствуй, Сезан! Славный дедушка! Великий
труженик. Лучший желудь французских лесов!" 55

Повсюду находятся обсуждения вопросов искусства:

Опера: "Лучше Петрушка, чем Кармен и Аида, чем свиное
рыло декламации". 56

Архитектура:

АЙЯ-СОФИЯ

Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон — света торжество;
На парусах, под куполом, четыре
Архангела прекраснее всего. 57

Литература:

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода. 58

Драматургия:

Что делать вам в театре полуслова
И полумаск, герои и цари?
И для меня явление Озерова —
Последний луч трагической зари. 59

Живопись:

"Каждая комната имеет свой климат. В комнате Клода
Моне воздух речной. Глядя на воду Ренуара, чувствуешь
волдыри на ладони, как бы натертые греблей". 60

54 О. Мандельштам, "БАХ", Собрание сочинений, стр. 56.

55 О. Мандельштам, "Французы", там же, стр. 305.

56 Там же, стр. 250.

57 "АЙЯ-СОФИЯ", там же, стр. 52.

58 Там же, стр. 61.

59 Там же, стр. 66.

60 "Французы", там же, стр. 306.

Круг поэтических интересов Мандельштама чрезвычайно разнообразен. Он увлекался то Бодлером и Верленом, то Чаадаевым и Леонтьевым. Перед Первой мировой войной он склонялся к католическому универсализму, а в начале революции провозгласил, что "теперь всякий культурный человек — христианин".

К сожалению, этот поэт требует от читателя слишком больших знаний, чтобы предсказать его стихам широкую популярность. Понимание раннего Мандельштама затруднено сочетанием богатства содержания с богатством эрудиции: "Без высшего образования вкуса / для которого книжная премудрость не самоцель, а средство/ понять Мандельштама трудно . . . нужно уметь и историей и искусством питаться".⁶¹

Тем не менее, для литературы Мандельштам дал важнейшую перспективу. Как и в прозе, так и в поэзии, Осип Мандельштам — компетентный подводитель итогов культурного прошедшего.

61 Ю. Иваск, в рецензии на Собрание сочинений Мандельштама, Вестник Института по изучению СССР 2, 1956, стр. 128.

ГЛАВА 3

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

1. Стремление к "зауму" в позднем творчестве.

До 1920 г. почти все стихотворения Мандельштама могут быть поняты читателем сплошь до конца. Правда, что понимание раннего Мандельштама иногда затруднительно из-за глубиной мысли и ума писателя, но на самом деле только одно стихотворение этого периода⁶² может быть названо несколько "заумным":

Что поют часы-кузнечик,
Лихорадка шелестит,
И шуршит сухая печка —
Это красный шелк горит.

Что зубами мыши точат
Жизни тоненькое дно,
Это ласточка и дочка
Отвязала мой челнок.

Что на крыше дождь бормочет, —
Это черный шелк горит,
Но черемуха услышит
И на дне морском: прости.

Потому что смерть невинна,
И ничем нельзя помочь,
Что в горячке соловьиной⁶³
Сердце теплое еще. 1917.

62 т.е. до 1920 г.

63 О. Мандельштам, "Что поют часы-кузнечик",
Собрание сочинений, стр. 92.

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

40

В 20-х годах поэзия Мандельштама состояла из двух главных родов стихотворений: одна часть его творчества осталась верной акмеистическому принципу классической простоты, а другая стремилась к "зауму". Уже в цикле "TRISTIA" мы замечаем усиливающуюся сложность в стиле Мандельштама, которая фактически не согласуется с акмеистической формулой простоты и ясности.

Б. А. Филиппов говорит о "странных на первый взгляд стихах позднего Мандельштама". Следует обратить внимание на заметки Филиппова в отношении заузного тона поэта, который делается более интенсивным в течение позднего труда:

Стихи книги "TRISTIA" — почти заузные. Только это не заузм Хлебникова. Огромная иудео-христианская культура стоит за каждым словом, за каждым нещедрым образом Мандельштама. Как будто бы вся тяжесть многих и многих поколений налегла на его скупые строки. Никакого украшения. Только необходимое. Но для полной расшифровки читателем этих строк-иероглифов — как много требуется знаний, ума, чувства. Еще иероглифичнее поздние стихи автора. Иногда — перегруженные, иногда — как бы не отвоплотившиеся и не до конца осознанные. И вместе с тем — никакими философами мудрецов, никакими мелодиями более щедрых и до конца расшифровывающих свою мысль поэтов не передашь того затаенного, что так совершенно передает нам Мандельштам.⁶⁴

Ирина Бушман, в Поэтическом искусстве Мандельштама, разделяет стихотворения написанные около 1930 г. Мандельштамом на две группы: понятые с первого чтения, и недоступные вполне обычному пониманию. В связи с этим она пишет:

64 Борис Филиппов, "А небо будущим беременно", в предисловии Собранию сочинений Мандельштама, стр. 25.

. . . Заумные стихи Мандельштама далеко не однородны. Легким туманом налетающая заумь в стихотворении "Что поют часы-кузнечик" — продукт настроения и вдохновения, она стихийна. Совсем другого рода заумь хотя бы Грифельной оды" или "1 января 1924": строго и стройно конструированная, она зашифровывает содержание, которое не должно стать достоянием каждого, а должно быть угадано, найдено "неизвестным адресатом".⁶⁵

ГРИФЕЛЬНАЯ ОДА

Звезда с звездой — могучий стык,
Кремнистый путь из старой песни,
Кремня и воздуха язык,
Кремень с водой, с подковой перстень,
На мягком сланце облаков
Молочный грифельный рисунок —
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусонок.

.

Как мертвый шершень, возле сот,
День пестрый выметен с позором.
И ночь-коршунница несет
Горящий мел и грифель кормит.
С иконоборческой доски
Стереть дневные впечатления,
И, как птенца, стряхнуть с руки
Уже прозрачные виденья!

.

И я теперь учу дневник
Царапин грифельного лета,
Кремня и воздуха язык
С прослойкой тьмы, с прослойкой света,
И я хочу вложить персты
В кремнистый путь из старой песни,
Как в язву, заключая в стык
Кремень с водой, с подковой перстень.⁶⁶

⁶⁵ Ирина Бушман, Поэтическое искусство Мандельштама, стр. 32-33.

⁶⁶ О. Мандельштам, "Грифельная ода", из кн. "СТИХОТВОРЕНИЯ", 1928, Собрание сочинений, стр. 122-124.

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

42

Нам кажется, что это же стихотворение Мандельштама — чистейший символизм. В этом стихотворении, как и во многих поздних стихотворениях Мандельштама ярко обнаруживаются главные черты символизма: индивидуализм /т.е. ударение на личности/: "И я теперь учу дневник"; "И я хочу вложить персты"; превалирование культурно-эстетического уровня над социальным и стремление противопоставить действительности мир мечты и фантазии:

На мягком сланце облаков
Молочный грифельный рисунок —
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусонок.

.

С иконоборческой доски
Стереть дневные впечатленья
И, как птенца, страхнуть с руки
Уже прозрачные виденья!

Уже в одном из ранних своих стихотворений Мандельштам воскликнул:

Останься пеной, Афродита,
И слово в музыку вернись... 67

Это как будто противоречит основному принципу акмеизма, заключаемому в бунте против символизма. В связи с этим Глеб Струве высказывает очень интересный взгляд:

. . . Но вспомним, что акмеизм и есть настоящий символизм. И поздний Мандельштам прославляет "блаженное бессмысленное слово". Сторонникам плоского здравого смысла многие стихотворения позднего Мандельштама могут показаться заумью, чистейшим набором слов /например, "Соломинка" или такое "заумное" стихотворение как "Что поют часы-кузнечик..."/. Эти

адепты здравого смысла бесчувственны к той "магии языка", к той "власти слова", о которых говорит Мандельштам. А вне этой магии языка, проистекающей из подлинного культа слова, многое в поэзии Мандельштама непонятно. Мандельштам может быть прост и ясен. Но иногда словесно-образная ткань его стихов оказывается сложной, полной нарочитых двусмысленностей, требующей от читателя способности вчувствования...⁶⁸

2. Связь в поздней поэзии Мандельштама и с темой и с формой символизма.

а/ Тематика Мандельштама:

Темы угрожающей революции, т.е. образы умирающего Петербурга в "сумерках свободы", остро звучат в стихотворениях "TRISTIA", но в сверхреальном плане. Мандельштам глубоко чувствовал и тонко умел передать отдельные моменты жизни дореволюционной Петербургской эпохи. "Глухое" десятилетие, завершившее девятнадцатый век, плотно обнаружено в самой ткани мандельштамовских стихов. Поэт сильно ощущал удивительное сходство между отсталостью империльной России и перзрелостью Афин и Рима на самом пороге гибели:

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем
И каждый час нам смертная година.
Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий каменный шепол.
В Петрополе прозрачном мы умрем,
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.⁶⁹

⁶⁸ Глеб Струве, "О. Э. Мандельштам", Собрание сочинений Мандельштама, /предисловие/, стр. 22.

⁶⁹ О. Мандельштам, "TRISTIA", Собр. соч., стр. 86.

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

44

На страшной высоте блуждающий огонь,
 Но разве так звезда мерцает?
 Прозрачная звезда, блуждающий огонь,
 Твой брат, Петрополь, умирает.⁷⁰

.

Мандельштам трогательно оплакивает исчезающую свободу
 народа:

Прославим, братья, сумерки свободы, —
 Великий сумеречный год.
 В кипящие ночные воды
 Опущен грузный лес тенет.
 Восходишь ты в глухие годы,
 О солнце, судия, народ.

Прославим роковое бремя,
 Которое в слезах народный вождь берет.
 Прославим власти сумрачное бремя,
 Ее невыносимый гнет.
 В ком сердце есть, тот должен слышать, время,
 Как твой корабль ко дну идет.⁷¹

.

Эта пронизательная нота трагизма продолжает звучать и
 в более поздних стихах:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
 Заглянуть в твои зрачки
 И своею кровью склеит
 Двух столетий позвонки?
 Кровь-строительница хлещет
 Горлом из земных вещей,
 Захребетник лишь трепещет
 На пороге новых дней.

.

⁷⁰ О. Мандельштам, "TRISTIA", Собрание сочинений,
 стр. 93.

⁷¹ Там же, стр. 94-95.

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

45

И еще набухнут почки,
 Брызнет зелени побег,
 Но разбит твой позвоночник,
 Мой прекрасный жалкий век.
 И с бессмысленной улыбкой
 Вспять глядишь, жесток и слаб,
 словно зверь, когда-то гибкий,
 На следы своих же лап.⁷²

1 ЯНВАРЯ 1924

.....

О глиняная жизнь! О умиранье века!
 Боюсь, лишь тот поймет тебя,
 В ком беспомощная улыбка человека,
 Который потерял себя.
 Какая боль — искать потерянное слово,
 Больные веки поднимать
 И с известью в крови, для племени чужого
 Ночные травы собирать.

Век. Известковый слой в крови больного сына
 Твердеет. Спит Москва, как деревянный ларь,
 И некуда бежать от века-властелина...
 Снег пахнет яблоком, как встарь.
 Мне хочется бежать от моего порога.
 Куда? На улице темно,
 И, словно сыплют соль мощною дорогой,
 Белеет совесть предо мной. 73

.....

Темы кладбищ и смерти — любимые темы символистов —
 часто появляются в поздней поэзии Мандельштама. Предчувствие
 личной гибели тоже слышится в следующих строфах:

⁷² О. Мандельштам, "Стихи 1921-1925", из кн.
 "СТИХОТВОРЕНИЯ", 1928, Собрание сочинений, стр. 118-119.

⁷³ О. Мандельштам, "1 ЯНВАРЯ 1924", там же,
 стр. 126-127.

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

46

.
 А то сегодня победители
 Кладбища лета обходили,
 Ломали крылья стрекозиные,
 И молоточками казнили. ⁷⁴

Петербург! я еще не хочу умирать:
 У тебя телефонов моих номера.

Петербург! у меня еще есть адреса,⁷⁵
 По которым найду мертвецов голоса.

О, как мы любим лицемерить
 И забываем без труда
 То, что мы в детстве ближе к смерти,
 Чем в наши зрелые года.⁷⁶

И под'емный мост она забыла,
 Опоздала опустить для тех,
 У кого зеленая могила,
 Красное дыхание, гибкий смех ...⁷⁷

Подобно символистам, Мандельштам умеет чувствительно
 открывать самые мучительные глубины своей души. Следующие
 стихи обнаруживают личную нерешительность поэта перед
 непостижимым лицом вечности:

Нет, никогда ничей я не был современник,
 Мне не с руки почет такой.
 О как противен мне какой-то соименник,
 То был не я, то был другой.⁷⁸

74 О. Мандельштам, "А небо будущим беременно",
 СТИХОТВОРЕНИЯ 1923-1932 гг., Собрание сочинений, стр. 132.

75 Там же, стр. 138.

76 Там же, стр. 143.

77 Там же, стр. 145.

78 О. Мандельштам, СТИХИ 1921-1925, Собрание
 сочинений, стр. 128.

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

47

б/ Поэтический жанр Мандельштама:

Основной жанр символизма — лирика, большей частью, любовная. Стихотворение Мандельштама также лирическое, но его лирика пронизана элементами античного эпоса, в первую очередь древнегреческого эпоса. Его поэзия чужда несдержанной эротике — в этом отношении он непохож на свои античные образцы и на французских символистов как, например, Верлена. Во всей лирике Мандельштама мы находим только одно откровенное признание страсти:

.

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я
Как жертву палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь;
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе:
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И, словно преступленье,
Меня к тебе влечет
Искусанный, в смятении,
Вишневый нежный рот. 79

.

Еще чаще темой стихотворения Мандельштама является не любовь, а страх перед ее силой:

Каждый раз, когда мы любим,
Мы в нее впадаем вновь.
Безымянную мы губим
Вместе с именем любовь. 80

79 О. Мандельштам, "TRISTIA", Собр. соч., стр. 109-110.

80 Там же, стр. 75.

Чрезвычайная сложность чувств поэта прекрасно выражена посредством сдержанной формы лирики-эпоса.

Мы не будем говорить подробно о немалом значении Мандельштама как прозаика. Проза Мандельштама действительно "проза поэта" — его книга Шум времени пронизана лиризмом. Тем не менее, чтобы тщательно обсудить вопрос акмеистического движения, нам кажется более целесообразным придерживаться области поэзии.

в/ Словесная магия Мандельштама.

Характерно для Мандельштама, как и для символистов, придавать особое значение звуку строю стиха. Тем не менее, звуковое повторение в мандельштамовских стихах не та явная "акустика" символистов:

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая, 81
Не Саломея, нет, соломинка скорей.

.
Я научился вам, блаженные слова — 82
Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита.

Саломея, Соломинка, Серафита, Ленор и Лигейя — Мандельштам сам определяет как "блаженные слова". В действительности, "Ленор", "Лигейя" и "Серафита" — это имена классических героин По и Бальзака. "Саломея-Соломинка", несмотря на ее нерешительное отождествление в поэме, изображает известную

81 О. Мандельштам, "TRISTIA", Собрание сочинений, стр. 84. 82 Там же.

грузинскую красавицу — княгиню Саломею Николаевну Андроникову.

Система стихосложенияу Мандельштама весьма своеобразна — этот поэт всегда заботливо работал над ритмом. Его взгляды на поэтическую ритмику ярко выражены и в прозе /например, в статье "Заметки о Шенье"/, и в поэзии:

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера.
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность, как в метрике Гомера.⁸³

Ранняя поэзия Мандельштама воздержанна — в ней почти не слышны повышения и понижения голоса. С другой стороны, в поздней поэзии встречаются произведения сильно отличающиеся от классических.

Чтобы добиваться античного строя, с его медлительностью и негромкой звучностью, Мандельштам максимально пользовался силлабо-тоническим размером ямбом,⁸⁴ с цезурой⁸⁵ посредине:

СТАРИК

Уже/ светл ^о , // поёт/ сирен ^а	/женская рифма, четырёхстопный ямб/	a
В седьмом/ часу/ утра.	/мужская рифма, трехстопный ямб/	b
Старик,/ похо/жий на/ Верлен ^а ,	— /женская рифма, четырёхстопный ямб/	a
Теперь/ тво ^я / по ^{ра} !	/мужская рифма, трехстопный ямб/	b

83 О. Мандельштам, Собрание сочинений, стр. 38.

84 Ямб — двухсложная стопа с ударением на втором слоге /2-4-6-8-ом и.т.д./

85 Цезура — пауза в середине стиха.

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

Ямбы Мандельштама чаще всего облегченные, т.е. в его стихах очень часто встречается пиррихий.⁸⁶ Эти безударные стопы делают течение стиха менее громким, т.е. менее богатым повышениями и понижениями голоса.

Отрав/лён хлеб/ и воз/дух вы/пит.	женск. рифма	a
Как труд/но ра/ны вра/чевать!	мужск. рифма	b
• • • • •		a
Не мог/ сильнее тос/ковать.	мужск. рифма	b

В приведенном примере — два пиррихия, один во втором стихе /третья стопа/, один в четвертом стихе /третья стопа/.

В творчестве Мандельштама также часто встречается хорей:

Душ ^н ный/ сум ^р ак/ кро ^е т/ ло ^ж е	женск. рифма	а
На ^п ря ^ж енно/ ды ^ш ет/ гру ^д ь...	мужск. рифма	б
Мо ^ж ет/ мне все/ го до/ ро ^ж е.	женск. рифма	а
То ^н кий/ крест и/ тай ^н ный/ пу ^т ь.	мужск. рифма	б

Во втором стихе одна облегченная стопа /первая стопа/.

Совершенно правильный дактиль и анапест редки в стихах Мандельштама. Только амфибрахий⁸⁸ существует в

86 Пиррихий — двухсложная стопа с пропуском ударения, облегченная стопа.

87 Хорей — двухсложная стопа с ударением на первом слоге стопы /на 1-3-5-7-ом и.т.д./.

88 Амфибрахий — трехсложная стопа с ударением на втором в стопе слоге /т.е. на 2-5-8-11-ом и.т.д./.

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

51

чистом виде:

"Морожен/но!" Солнце./ Воздушный/ бисквит.	мужск.р. а
Прозрачный/ стакан с ле/дяною/ водою.	женск.р. ъ
И в мир шо/колада/ с румяной/ зарею,	женск.р. ъ
В молочны/е Альпы/ мечтанье/ летит.	мужск.р. а

Выше шла речь о том, что в поздней поэзии Мандельштама часто встречаются стихи по ритму значительно отличающиеся от ранних, более классических стихов поэта. Например, в поэме "Нашедший подкову" появляется ритмически очень сложное стихосложение:

Так,
 Нашедший подкову
 Сдувает с нее пыль
 И растирает ее шерстью, пока она не заблестит,
 Тогда
 Он вешает ее на пороге,
 Чтобы она отдохнула,
 И больше уж ей не придется высекать искры из кремня.

Стихотворение "Полночь в Москве" также написано очень меняющимися размерами:

Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето.
 С дроботом мелким расходятся улицы в чоботах узких
 железных.
 В черной оспе блаженствуют кольца бульваров,
 Нет на Москву и ночью угомону.

В этом стихотворении даже находятся белые стихи, с отдельными редкими рифмами. Здесь мы наблюдаем характерное символистическое стремление, именно, стремление к обогащению русского стихосложения использованием образцов самых разнообразных приемов стихосложения. В стихах "Нашедший подкову" и "Полночь в Москве" особенно очевидны смелые опыты зрелого Мандельштама в области свободно-тонического стихосложения.

Поиски выразительности стиха ярко сказываются в созвучии стихов Мандельштама:

Лазурь да глина, глина да лазурь,
Чего ж тебе еще? Скорей глаза сожурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым,
Над книгой звонких глин, над книжной землей,
Над гнойной книгой, над глиной дорогой,
Которой мучимся как музыкой и словом.⁸⁹

Поэт часто пользуется внутристиховыми ассонансами:

"В огромной комнате над черною Нев^ой,"⁹⁰
/ударяемые гласные одинаковы/

Для Мандельштама характерен прием "скрытой фоники", т.е. сходных по звуковому строю слогов и слов, представляющих внутри себя место другим звучаниям. При этом, сходные созвучия возвращаются попеременно несколько раз:

"Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь".⁹¹

⁸⁹ "Лазурь да глина, глина да лазурь", Стихотворения 1923-1932 гг., Собрание сочинений, стр. 138.

⁹⁰ "Соломинка", Собрание сочинений, стр. 84.

⁹¹ "Золотистого меда струя из бутылки текла", там же, стр. 88.

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

53

Этот стих, построенный на полногласиях "ала", "але" и "оло", очень напоминает фоническую основу Бальмонта, придающую ей такую чрезвычайную певучесть.

Стихотворение "К немецкой речи" показывает, как чутко Мандельштам ощущал фонетическую структуру языков:

Бог Нахтигаль, меня еще вербуют
Для новых чум, для семилетних боен.
Звук сузился, слова шипят, бунтуют.
Но ты живешь, и я с тобой спокоен.⁹²

Многие из поздних стихотворений Мандельштама написаны "шипящими, бунтующими" звуками. Здесь ярко отражается любимая мандельштамовская теория "благозвучия":

За гремущую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья и чести своей.⁹³

Кого еще убьешь? Кого еще прославишь?
Какую выдумаешь ложь?
То ундервуда хрящ: скорее вырви клавиш —
И щучью косточку найдешь
И известковый слой в крови больного сына
Растает, а блаженный брызнет смех...
Но пишущих машин простая сонatina —
Лишь тень сонат могущих тех.⁹⁴

При этом мы видим, что Мандельштам не удовлетворяли привычные рифмы; он упорно искал новизны в области ассонансов. Во всех этих смелых метрических опытах Мандельштам очень близок к символистам.

⁹² "Стихотворения 1923-1932 гг.", Собрание сочинений, стр. 147.

⁹³ Там же, стр. 147.

⁹⁴ "1 января 1924", Стихи 1921-1925, стр. 128.

Большое мастерство сравнения также поражает своеобразием и новизной искусства Мандельштама. В ранний период деятельности Мандельштам по-видимому предпочитал единичные сравнения и метафоры вроде "волнами шурша как листьями", "и бездыханная как полотно", "и немая вышина, как пустая башня белая", или "И безумных звезд разбег", "звезды золотые в темном кошельке", "свистел осенний шелк", "под вечным куполом небес", "верность плакала в ночи".

В позднейших стихах Мандельштама можно найти сложную взаимосвязь между словами /иногда охватывающую целые строфы/. Здесь мы часто видим реальные существительные в сочетании с необычными для них глаголами или эпитетами:

В хрустальном омуте какая крутизна!
За нас сиенские предстательствуют горы,
И сумасшедших скал колючие соборы
Повисли в воздухе, где шерсть и тишина.⁹⁵

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запирай меня лучше, как шапку, в рукав,⁹⁶
Жаркой шубы сибирских степей, —

В статье "О природе слова" Мандельштам утверждал, что "словесное представление — сложный комплекс явлений, связь, 'система' ... Представления можно рассматривать не только как об'ективную данность создания, но и как органы человека ...

95 "В хрустальном омуте какая крутизна!", "TRISTIA", Собрание сочинений, стр. 97.

96 "За гремучую доблесть грядущих веков", "Стихотворения 1923-1932 гг.", там же, стр. 147.

В применении к слову, такое понимание словесных представлений открывает широкие, новые перспективы и позволяет мечтать о создании органической поэтики, не законодательного, а биологического характера, уничтожающей канон во имя внутреннего сближения организма . . ." 97

Очень яркие примеры "органической поэтики" находятся в позднем творчестве Мандельштама вроде:

Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг
Свинцовой палочкой молочной,
Здесь созревает черновик
Учеников воды проточной. 98

Иначе говоря, синтетический образ об'единяет в себе целую группу слов. Нам кажется, что главная сила синтетического образа Мандельштама заключается в возможности внести раз'яснение, путем яркой аналогии, в по-видимому "заумное" стихотворение. В области создания "органической поэтики" и "синтетического образа" Мандельштам обнаруживал крупный талант и самобытность.

Как уже упоминалось выше, в раннем творчестве Мандельштама мы находим привычные символы вроде "Седые пучины мировые" и "бледно-голубая эмаль". У зрелого Мандельштама есть образы выраженные отдельными словами, но эти образы чаще всего — необычные тропы. Особенности

97 О. Мандельштам, "О природе слова", из книги "О поэзии", Собрание сочинений, стр. 348.

98 "Грифельная ода", "Стихи 1921-1925", Собрание сочинений, стр. 122.

образов Мандельштама подробно рассмотрены Г. П. Струве во вступительной статье к Собранию сочинений Мандельштама:

У зрелого Мандельштама очень бросается в глаза один прием: упорное, настойчивое повторение некоторых слов-образов. Как часто, например, в зрелых стихах Мандельштама встречаются в самых неожиданных сочетаниях, в самом непредвиденном контексте некоторые излюбленные слова-образы — "ласточки" "звезды", соль". Это и есть те слова-Психеи, о которых он говорит, что они блуждают свободно вокруг вещи, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела. Эти блуждающие, упорно возвращающиеся слова играют роль своего рода сигнальных звоночков, через них не связанные как будто одно с другим стихотворения друг с другом перекликаются. В стихах самого позднего, воронежского, периода — часто лихорадочно-нервных, неуравновешенных, но и потрясающих по своей внутренней силе — слова начинают звучать как шаманские заклинания. Ср., например, такие строки в нашем стихотворении № 324 /февраль 1937 г./:

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы,
И прячутся поспешно в уголки,
И выбегают из углов угланы. ⁹⁹

Нам кажется, что в поэзии Мандельштама находится поразительное сходство с символизмом. Несмотря на свои расхождения с символистами в практически-поэтическом плане, поэт никогда не отрицал великого значения этого направления. Как уже указывалось во второй главе, для Мандельштама понятие "акмеизма" заключало в себе понятие "неоклассицизма", но поэт никогда не ограничивался исключительно теми рамками. Устанавливая тождество содержания и формы, Мандельштам подошел очень близко к символистам, но, в конце концов,

⁹⁹ Г.П. Струве, в вступительной статье к Собранию сочинений Мандельштама, *Inter-Language Literary Associates*, 1964, стр. LXXIX.

символизм для него был только отправной точкой творчества, от которой он получил собственное направление. Практически, если понимать акмеизм как подлинный символизм /см. Струве, стр. 42/¹⁰⁰, Мандельштама можно считать действительно акмеистом — даже в позднейшем творчестве.

Проф. Глеб Струве выдвигает теорию, что поэзия Осипа Мандельштама — синтез трех главных течений новейшей русской поэзии, т.е. синтез символизма, акмеизма и футуризма.¹⁰¹ Нам кажется, что теория о приближении Мандельштама к футуризму, даже в последний период творчества поэта, может подвергаться сомнению. Хотя Мандельштам честно защищал основоположников футуризма, и его "заумные" стихотворения иногда напоминают творчество Хлебникова, но это в сущности не доказывает истинного родства Мандельштама с футуристами. На самом деле, отношение Мандельштама в будущему отличается от отношения к нему футуристов. Несмотря на то, что футуристы насильно "тащили" будущее в свои произведения, это — будущее в буквальном смысле слова, так как Мандельштам беспрестанно стремился к будущему в смысле вечности.

Ты в каком времени хочешь жить?
— Я хочу жить в повелительном причастии будущего,
в залоге страдательном — в "долженствующем быть".

100 Речь об этом шла на странице 42 этой диссертации.

LXXX. 101 Г. П. Струве, Собрание сочинений Мандельштама, стр.

Так мне дышится. Так мне нравится. Есть
верховая, конная честь. Оттого-то мне и нравится
славный латинский "герундивум" — этот глагол на
коне.¹⁰²

Итак, готовьтесь жить во времени,
Где нет ни волка, ни тапира,
А небо будущим беременно.
Пшеницей сытого эфира.¹⁰³

Направление футуризма противостояло настроению
символизма в его реальности во имя некоторой другой более
совершенной реальности. В статье "Утро акмеизма" Мандельштам
утверждал, что единственно реальное в искусстве — самое
произведение искусства. Реальность в поэзии, говорит он, не
предметы внешнего мира, а "слово как таковое". В той же
статье Мандельштам писал: "Футурист, не справившись с
сознательным смыслом, как с материалом творчества, легко-
мысленно выбросил его за борт и, по существу, повторил
грубую ошибку своих предшественников"... /т.е. символистов/.

Пользуясь терминологией Фридриха Шлегеля, гениальные
стихи Осипа Мандельштама можно назвать не "поэзией жизни", а
"поэзией поэзии" (*die Poesie der Poesie*), т.е. поэзией,
имеющей своим предметом не жизнь, а художественное восприятие
жизни. Как художник Мандельштам не настоящий реалист. Мы
повторяем слова самого Мандельштама: "Не требуйте от поэзии

¹⁰² "Алагез", "Путешествие в Армению", Собрание
Сочинений, стр. 316.

¹⁰³ "А небо будущим беременно ...", "Стихотворения
несобранные в книги стихов автора и неопубликованные",
Собрание сочинений, 1964, стр. 133.

сугубой вечности, конкретности, материальности. Этот тот же революционный голод".¹⁰⁴

По мнению проф. Пожжиоли, общий характер стиля Мандельштама напоминает Пикассо классического периода в способности превращать человеческую природу в жесткость неорганического материала. Он пишет:

. . . Mandel'shtam's figures are less huge and solid, and they are molded in plaster, although they look as if they were made of alabaster. In one of his most magnificent lyrics the poet offers to a friend the image and the gift of a chunk of honey which changes itself into sunlight after the creatures which produced it are turned into a necklace of dead bees. Yet the sense of his art is more genuinely conveyed by a far different metaphor or process: by this artist's attempt to embalm forever the worm of life within that amberlike matter which is the very substance of his poetry. ¹⁰⁵

Нельзя не согласиться со мнением проф. Пожжиоли, что эти прелестные стихи являются вершиной литературного гения Осипа Мандельштама. Нам кажется, что в следующем его стихотворении наблюдается самое величайшее мастерство и тонкость использования слова:

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.

¹⁰⁴ О. Мандельштам, "Слово и культура", Собрание сочинений, 1955, стр. 325.

¹⁰⁵ Prof. Renato Poggioli, The Poets of Russia, 1890 - 1930, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1960, p. 312.

ЗРЕЛЫЙ ТРУД МАНДЕЛЬШТАМА

60

Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина — дремучий лес Тайгета,
Их пища — время, медуница, мята.

Возьми ж на радость дикий мой подарок,
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.¹⁰⁶

Несмотря на то, что Мандельштам считал себя до конца акмеистом, его связь с лучшими чертами символизма бесспорна. Тем не менее, этот выдающийся поэт единственный в своем роде. Лозунг акмеизма был: "Прочь от символизма, да здравствует живая роза!" "Роза" Мандельштама — не мистическая роза символистов, и не живая роза акмеистов — ее сущность и благоухание сохранятся навсегда в светлом сокровище прелестной поэзии Осипа Эмилевича Мандельштама.

¹⁰⁶ О. Мандельштам, "Возьми на радость из моих ладоней", "TRISTIA", Собрание сочинений, 1955, стр. 105.

ГЛАВА 4

РАСПАД АКМЕИЗМА

1. Трагическая судьба адамистов-акмеистов.

Во время революции 1917-1921 гг. вожди школы акмеистов разбрелись в разные стороны. Грозные события революционного периода определили выдающиеся ноты в поэзии представителей этой школы: мотивы пессимизма, мистики, смерти. С того времени их поэзия полна тоски о невозвратном прошлом.

Большей частью выдающиеся акмеисты враждебно встретили это волнующее социально-бытовое явление. Одни /как Гумилев/ остались непоколебимыми до конца; другие /как Ахматова/ в отчаянии прекратили литературную деятельность ввиду почти непреодолимых препятствий на литературном пути; третьи /например, Мандельштам/ прошли чужаками через годы революции. Меньшие члены адамистов-акмеистов как, например, Владимир Нарбут и Михаил Зенкевич, перешли на совершенно новые дороги.

Творчество членов "Цеха поэтов" ни в чем не соответствовало принятым советским нормам. Советские критики непрерывно упрекали акмеистов в формализме, в диссонансе и в несозвучии эпохе. По мнению этих критиков, "эпигонское" творчество акмеистов во всех отношениях отвернулось от современности. /Эта непреклонная позиция упорно продолжала

до сей поры/. Вот характерный пример в критическом замечании А. А. Волкова:

Даже в лучших произведениях поэзия акмеистов крайне ограничена и наглядно свидетельствует о том, что поэты, замкнувшиеся в узком, камерном мире, не могли дать реалистического изображения действительности. В их творчестве узость поэтического горизонта граничила с суб'ективизмом. В поэзии акмеистов не только отбрасывались или крайне сужались общественные явления, не только выпадал человек с его многообразными переживаниями, но даже природа выступала в эстетизированном, преображенном виде. И человек и природа в творчестве акмеистов даются в суб'ективном преломлении.¹⁰⁷

Перед постоянным политическим притеснением Гумилев оказался упорным защитником невозвратно ушедшего; Осип Мандельштам пытался найти новые средства, чтобы выразить неуловимый "шум времени"; ломкий голос Анны Ахматовой начал дрожать и скоро оборвался. Из "Цеха поэтов" только В. Рождественский действительно сумел подлинно советскую поэзию писать /но надо прибавить, что достижения его довольно ограничены.

В среде акмеистов нашлась часть поэтов, которые в момент распада школы акмеизма приложили все старания порвать со старыми традициями. По принуждению, несколько адамистов-акмеистов вошло в советскую поэзию, прежде всего поэты С. Городецкий, Вл. Нарбут и М. Зенкевич.

¹⁰⁷ А. А. Волков, Русская литература XX века, Москва, Издательство "Просвещение", 1964, стр. 406.

2. Упорная борьба Вл. Нарбута и М. Зенкевича против художественной эстетизации мира.

Вл. Нарбут и М. Зенкевич представляли в акмеизме ту струю, которая сосредоточивала внимание на вещах и фактах, и на данных в физиологическом виде. Они резко отрекались от "эфирных осиянностей" и "безглагольностей" символистов и, кроме того, были чужды увлечения эстетизмом Ахматовой и Гумилева. Эта сильная реакция выразилась в обращении к чувственному восприятию вещей и к образам плотским, натуралистическим — подчас грубо-физиологическим. Они вели непримиримую борьбу против эстетизации мира, против эстетизации уродства и грубости. Раньше Нарбут и Зенкевич употребляли тяжелые слова и стихи, приближающиеся к прозе. Они вполне удовлетворялись плотским органическим миром:

И домовихой рыжей, раскорякой тощею
/с лежанки хлопнулась/ припасено два года:
За мужа, обтирающего тряпкой бороду
/кряхтел над сыровцем/, пройдоху — таракана.
И за себя — клопа их люльки, чуть распоротой
по шву на пузе, — вверх щелчком швыряет рьяно.¹⁰⁸

/Нарбут/

Средь нечистот голодная грызня
Собак паршивых. В сутолке базара
Под пыльной душною чадрой дня
Над темной жилистой тушей — кара.

На лике бронзовом налеты тлена
Как бы легли. Два вылезших белка
Ворочались и, взбухнув, билась вена,
Как в паутине муха, у виска.¹⁰⁹ /Зенкевич/

¹⁰⁸ Отрывок из "Нежити", Стихи Нарбута, Изд. "Дракон" СПб, 1910.

¹⁰⁹ М. Зенкевич, Избранные стихи, Совет. лит., стр.49.

РАСПАД АКМЕИЗМА

64

Зенкевич и Нарбут близки друг другу по стилю, но сходство между ними на этом и ограничивается. В "Письмах о русской поэзии" Н. Гумилев относительно их взаимного отличия пишет:

М. Зенкевич, и еще больше Владимир Нарбут, возненавидели не только бессодержательные красивые слова, но и все красивые слова, не только шаблонное изящество, но и всякое вообще. Их внимание привлекало все подлинно отверженное, слизь, грязь и копоть лица. Но там, где Зенкевич смягчает бесстыдную реальность своих образов дымкой отдаленных времен или отдаленных стран, Владимир Нарбут последователен до конца, хотя, может быть, и не без озорства.

Различие между ними продолжалось дальше. Нарбут не ставил перед собою никаких философски-осмысливающих мир задач, когда для Зенкевича они, наоборот, очень существенны. Зенкевич был одним из зачинателей т.н. "научной поэзии": он хотел уничтожить разрыв между научным языком и художественным. Во всем творчестве он передал систему своей космологии. В стихах Зенкевича слабый и беспомощный человек противопоставлен неумолимой стихии природы. Зенкевич крепко утверждает, что "вещный" физиологизм ряда акмеистов весьма далек от материалистического монизма. Стремясь к вещам, к "нашей планете Земле", эти акмеисты чувствовали себя социально изолированными.

Зенкевич видел нерасторжимое единство земли и человека. В остывающей планете он видел изрытое струпами тело Иова, и в теле человеческом — железо земли. "Радостным миром" представился ему микрокосм человеческого тела.

Мамонты и ящеры, т.е. доисторическая жизнь земли, пленили его воображение. Во всем он ощущал единство живой души и материи.

О ящеры — гиганты, не бесследно
Вы — детища подводной темноты —
По отмелям, сверкая кожей медной,
Проволокли громоздкие хвосты. 110

Поэтический девиз Зенкевича запечатлен в строках стихотворения "Поэтому":

В слове ли, в угле, в железе ли,
и по прокату и ткачеству,
И по литью и поэзии —
задача везде одна:
Ткани, металл, созвучия —
все только высшего качества,
Все только самое лучшее
требует наша страна!

Стихи Зенкевича в книге Дикая Порфира посвящены земле, воде, ящерам, мамонтам. Увлечение Зенкевича геологией и естественными науками сказалось в стихах научного цикла, которому в Дикой Порфире отведено значительное место.

Владимир Нарбут, выпустивший сначала книжку стихов, в которой изображение предметов в вещей было больше, чем образов, во второй книжке Аллилуиа является поэтом горячо возлюбившим землю. Описания у Нарбута так живы, так пластически, что они входят в цикл новой оригинальной поэзии, как звери Гумилева и "человек" Зенкевича. Описывая украинский быт, он не является простым реалистом:

110 М. Зенкевич, Сквозь грозы лет, /Стихи/, Госиздат, Москва, 1962, стр. 22.

РАСПАД АКМЕИЗМА

66

. . . Людское изменится мнение:
Бежит по дорожке сырой,
Чтоб сгорбленной нищенской тенью
Скитаться ночью порой.

Влуждает, вздыхая и плача,
У сонных растрепанных ив, —
Пока не плеснется на дачу
Кровавый восхода разлив. 111

3. "Превращение" нескольких акмеистов в певцов революции.

Из всех акмеистов, Нарбут и Зенкевич по своему материальному мировосприятию были наиболее близкими к идеологии большевизма. В это же время начался распад литературного движения акмеизма.

Разрыв с акмеизмом был мучительным для некоторых писателей. С. Городецкий в своих послереволюционных стихах не дал ничего приближающегося к тому уровню, который он достиг перед 1917 г. Когда Нарбут начал писать о пролетарской революции, ему пришлось покинуть физиологическую систему образов. Этот натурализм не был способен художественно выразить движение к социализму. Переходя на новые позиции, Нарбут не мог дать живого представления о революционной тематике. Его революционные стихи очень абстрактны. Его образы — условные, нереальные. Например, в стихотворении об Октябре, большевик неожиданно сравнивается с Иудой!

111 В. Нарбут, "Стихотворения", "АПОЛЛОН", № 3, март, 1913 г.

РАСПАД АКМЕИЗМА

67

Вы — в Скифии, вы — в варварских стенах
 Но те же узкие глаза и речь,
 Похожая на музыку, о, Бах,
 И тот же плащ, едва бегущий с плеч.

И, опершись на посох, как привык,
 Пред вами тот же, — он один!
 Иуда, краснотубый большевик,
 Грозных дум девичьих господин.¹¹²

Выдающийся талант Зенкевича также не нашел новых путей. Как умный и культурный художник слова, он старался преодолеть свой прежний социальный пессимизм, но для полной оценки поэтического достоинства Зенкевича нужно обратиться к дореволюционной поэзии — например, к трогательному стихотворению "Смерть лоса":

С размаха рухнул лось. И в выдавленном ложе
 По телу теплomu перепорхнула дрожь,
 Как бы предчувствие, что в нежных тканях кожи
 ПройдетсЯ, весело свежyя, острый нож ...¹¹³

Несмотря на небольшой успех акмеистов в литературе советского периода, их влияние на советских преемников как, например, Н. Тихонова, Виссариона Саянова и Э. Багрицкого, очень значительное. Выдержанность и выразительность словесного звучания творчества адамистов-акмеистов играли существенную роль в литературной деятельности этих передовых советских писателей.

¹¹² Вл. Нарбут, "Октябрь", Советская земля, Харьков, 1-я Интернациональная советская тип., 1921.

¹¹³ М. Зенкевич, "Смерть лоса", "АПОЛЛОН", 1913 г.

ГЛАВА 5

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

1. Пути развития советской литературы.

Непримиримая борьба со всеми проявлениями декадентской идеологии составляла необходимое условие строительства новой социалистической литературы. Пролетарские культурно-просветительные организации были созданы, но деятельность Пролеткульта приходила по временам в глубокое противоречие с основными культурными положениями партии.

Пролеткультовские теории во многом давали себя знать в программе "Кузницы"; несколько позднее они сказались в деятельности рапповских литературных организаций.

Представление футуристов о революции не выходило за пределы мнимо революционного отрицания значения культуры прошлого и отвлеченных заявлений о том, что вся культура должна быть преобразована на коммунистических началах. С точки зрения компартии, программа Лефа не совсем отвечала задачам, стоявшим перед советской литературой.

Наряду с Пролеткультами и футуристами возникали мелкие литературные группировки, из которых наиболее активной была группа имажинистов.

Писатели различными путями исходя из различных идейных позиций стремились приближаться к социалистической

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 69

действительности. "Мы начали с формальных исканий и пришли к революции. Других дорог не было", говорил И. Сельвинский, подчеркивая, что конструктивисты — это "прежде всего люди, чьи пути совпадают с путями революции".¹¹⁴

Конструктивизм был родом оживления акмеистического наследства на советской почве. В акмеистическую программу конструктивисты внесли подход к поэтическому произведению как к некоему материальному единству /как к вещам/. Развертывание темы сопровождается целой системой словесных соответствий, которые укрепляют единство поэмы. Словесное звучание приобретало значение, которого оно никогда не имело у акмеистов. Этот упор на слово сближал Сельвинского с футуристами, но в основном его стилистическая система оставалась акмеистической.

У Сельвинского, как и у Нарбута /и у Багрицкого/ в основе стихотворения всегда лежит образ. Этот образ прямо отражает об'ективную действительность.

Одной из самых сложных группировок 20-х годов была петроградская группа "Серапионовых братьев". Теоретические выступления их представителей отнюдь не являлись одинаковыми. Творческая деятельность Н. Тихонова /"Орда", "Брага"/ и других писателей не совпадала с официальными формулировками Л. Лунца.

Многочисленные литературные декларации, с которыми выступали литературные группировки, и участие в них многих

¹¹⁴ И. Сельвинский, "Конструктивисты за год", газета "Известия ЛЦК", август, 1925 г.

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 70

значительных советских писателей, привлекали к ним особенное, часто враждебное, внимание критиков.

В основном русле развития советской литературы шли писатели более или менее связанные с акмеистической художественной системой:

Soviet Poetry: its Neoterici and Epigones

The literary fashions or trends which conditioned technically the early, or even the later, writing of the poets who came to the fore during the first decade after 1917 were part of the vital inheritance left by both Acmeism and Futurism. From the latter school came Nikolaj Aseev

A far more genuine and considerable poet of the same generation, at least in his early works, was Nikolaj Tikhonov, born in Petersburg in 1896, who drew instead on the Acmeist's doctrine and example. A volunteer in the First World War and a Red soldier during the Revolution, Tikhonov published his best pieces in two collections of verse, The Horde (1922) and Hydromel (1923), and in a volume of tales, The Daring Man (1932). Yet it was the topical and patriotic pieces in verse and in prose which he wrote during the Second World War that earned him a belated official recognition, as well as the presidency of the Union of Soviet Writers, a short-lived honor which did not survive Zhdanov's condemnation of Akhmatova and other Petersburg authors

It is quite significant that the younger poets who grew to manhood after the Revolution followed the examples of both Aseev and Tikhonov, and merged the lessons of the Acmeists and the Futurists, vainly trying to embody them in a new school of their own. The attempt took place with the founding of Constructivism in 1924. 115

115 Renato Poggioli, The Poets of Russia 1890-1930, pp. 316-318.

2. Акмеистические тенденции в творчестве Н. Тихонова.

Николай Тихонов, как романтик революции, являлся одним из главных основоположников советской литературы. В стихах начала 20-х годов, собранных в книгах Орда и Брага /1921, 1922/, этот поэт выступал ощущая величие и трагизм революционных событий и человеческих судеб. Тем не менее, в ряде произведений лирический герой Тихонова не проявляет особенной революционной сознательности. Образ лирического героя часто противоречив. В поэтической теме воинского долга переплетаются мотивы романтического своеволия и хмельной страсти:

И был я беспутен, и был я хмелен
Еще кровожадней, чем рысь
И каменным солнцем до ног опален, —¹¹⁶
Но песнями губы зажглись.

В произведении Брага, второй книге его стихов, баллады занимают основное место. Военная тема и тема дружбы народов проникают во всем творчестве Тихонова. В этих ранних стихах Тихонова есть прямые отзвуки поэзии Гумилева. Как у Гумилева, героический характер постоянно приковывает поэтическое внимание Тихонова:

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов.

¹¹⁶ Николай Тихонов, Избранные произведения, т. 1, Москва-Ленинград, Гослитиздат, 1955, стр. 73.

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 72

Тогда впервые научились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.¹¹⁷

"Со страниц Орды и Браги" — писал в 30-е годы критик А. Селивановский — "перед нами встает романтический образ человека, который на всю жизнь запомнил империалистическую войну, и который в войне гражданской приобрел силу уверенности и оправдания жизни. Это — книги об упорстве борьбы, о приобретенных навыках кочевника, об отрыве от семьи, от родных, от мирной жизни, о ломке всего строя традиционных представлений и качеств интеллигента".¹¹⁸

Тихонов подчеркивал земной, материалистический характер своего творчества. В следующих строках поэт утверждает ясное, материалистическое мировоззрение человека, твердо стоящего на земле:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждой творить
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.¹¹⁹

Поэзия Тихонова, используя яркий, конкретный образ, как и в поэзии акмеистов, резко противостояла творческой системе символистов. Н. Тихонов убедился в том, что читатели ожидают от художника полнозвучия и естественных стихов. В

117 Николай Тихонов, Брага, М. Пг., "Круг", 1922, стр. 50.

118 А. Селивановский, Очерки по истории русской советской поэзии, М., Госиздат "Худ. Лит.", 1936, стр. 208.

119 Н. Тихонов, Орда, Избранное, Советский писатель, 1948, стр. 7.

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 73

его собственных стихах обнаруживаются ясность поэтического зрения и верность идейной позиции.

Как и у многих советских писателей, встреча с социалистической действительностью сыграла волнующую роль в творческой жизни Н. Тихонова. Стремясь выразить в поэтической деятельности ощущение эпохи и новой революционной действительности, он наконец, после мучительных поэтических поисков овладел методом "социалистического реализма". Тем не менее, Тихонов не перестал стремиться к акмеистической простоте и ясности. Он продолжал передавать в стихе, в конкретном поэтическом образе, свое пронизательное восприятие жизни.

На Первом Всесоюзном Съезде советских писателей Н. Тихонов говорил о простоте поэтического выражения, как о сочетании значительного правдивого содержания гармонической формы:

"Что значит эта труднейшая простота? Уничтожение разного типа стиха, получение однообразных копий с одного утвержденного и избранного оригинала? Ничего подобного. Вы можете пользоваться всеми способами насыщения и украшения стиха, всеми размерами, всеми ритмами, какие существуют в природе, при условии, что ваш стиль будет насыщен смысловой выразительностью, без потери художественности, с преобладанием представимого образа, но и без опрощения".

Высказанное здесь убеждение Тихонов воплотил в стихах "Стихи о Кахетии". В этих пластичных стихах сказывается мастерство реалистического изображения писателя. Яркий кавказский пейзаж красочно описан в одном из лучших стихотворений Н.

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 74

Тихонова, "Цинандали":

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой,
Над седю, как сказанье,
И как песня, молодой.

Уж совхозом Цинандали
Шла осенняя пора,
Надо мною пролетали.
Птицы темного пера.

Предо мною, у пучины
Виноградарственных рек,
Мастера людей учили,
Чтоб был весел человек.

И струился ток задорный
Все печали погребал:
Красный, синий, желтый, черный
По знакомым погребам.¹²⁰

В. Шошин, в его исследовании о творчестве Тихонова, делает довольно интересное замечание:

Поэт, если верить Теофилю Готье, должен читать единственную книгу — словарь. Если бы Николаю Семеновичу Тихонову предложили назвать такую единственную книгу, он выбрал бы, вероятно, атлас. Прежде чем увидеть далекие Индию и Китай, Тихонов прошел через Кавказ и Среднюю Азию, через Западную Европу и, действительно, "с каждым шагом пришлось пространство".¹²¹

Шошин подчеркивает, что раннего Тихонова с Гумилевым лишь внешне сближает мужественный взгляд на мир. Он находит их идейные позиции совершенно различными.

120 Н. Тихонов, Избранные произведения, т. 1, стр. 222.

121 В. Шошин, Николай Тихонов, Москва-Ленинград, Издательство академии наук СССР, 1960 /введение/.

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 75

В поэзии Тихонова, как и у некоторых других писателей, сперва под влиянием акмеистического жанра возникал новый тип фронтовой документальной новеллы, в котором конкретность жизненного факта продолжала подниматься до высоты художественного творения.

3. Отзвуки акмеистического кредо в литературной деятельности Виссариона Саянова.

В стихотворении Саянова двадцатых годов безусловно сказывается воздействие поэтики акмеизма. "Когда я оглядываю пройденный путь — писал сам Саянов — я с особенной ясностью чувствую, что на меня на протяжении ряда лет давили традиции старой поэзии, конкретнее говоря — футуристические и особенно акмеистические традиции".¹²²

Увлечение молодого Саянова акмеистической лирикой сказывалось в образной системе его стихов:

Шлагбаумам древним
Дорога верна,
По шпагам не мерили вёрсты,
И за штабелями казалась страна
На буре замешанной просто. 123

122 В. Саянов, "Поэмы великого идеологического наступления", "Звезда", 1949, № 3, стр. 201.

123 Там же, "На подступах Азии".

Сквозь духоту разлуки,
 Сквозь барабанный бой —
 Я поднимаю руки,
 Я говорю с тобой.
 Балтийской солью сыто,
 Срываясь невпопад,
 Еще звенит копыто
 Про тихий листопад.¹²⁴

Молодой Саянов строил свои стихи в соответствии с принципом "движения метафор по звуковому полю". Пользуясь звуковыми повторениями он часто усиливал художественную выразительность стиха:

Над городом пели метели,
 Горели костры на углу,
 И песни рабочей артели
 Летели в вечернюю мглу...

Стремление к большей четкости и простоте ритмики, и к обогащению поэтического языка очень заметно в стихах "Семейная хроника":

Вот пути, по которым
 Эпоха ведет человека, —
 Девятнадцатый век
 И начало двадцатого века.¹²⁵

4. Акмеистическое происхождение Эдуарда Багрицкого /1895-1934/.

В первоначальных поэтических работах Эдуарда Багрицкого намечается, во-первых, романтический подход к материалу поэзии, и во-вторых, стремление к красочности и конкретно-изобразительной силе стиха. Акмеистическая

124 В. Саянов, там же, "Возвращение".

125 Там же, "Семейная хроника".

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 77

проповедь силы и красочности импонировала ему, как прямая антитеза бесцветности его собственного бытия. Он твердо причислял себя к акмеистической линии русской поэзии, противопоставляя ее футуристической.

Ранние стихи Багрицкого, напечатаны в одесских стихах относящиеся к 1915 году, несли на себе печать сильных влияний, среди которых преобладало влияние акмеистического направления. Наибольшее воздействие на творчество молодого поэта оказали изысканный пейзаж и стихотворные формы акмеистов. У Гумилева и других акмеистов Багрицкого привлекала точная поэтическая речь и умение видеть "предметность" мира, сочетающуюся с экзотическим колоритом отдаленных стран и эпох. В стихотворении Багрицкого точно воспроизведен ритм "Капитанов" Гумилева. В них есть предчувствие позднейшей бунтарской тематики Багрицкого: матросы, мушкетеры, авантюристы всякого рода.

Ритмика стихотворений Багрицкого традиционна — в них преобладают классические размеры и строфика. Стихотворный размер становится как бы знаменосцем прекрасного:

Волна и ночь в торжественном движении
Слагают ямб...
И этот ямб поет...
.
И в каждую скалу
Проникало слово
Меж плотин и дамб
Волна отхлынет
И нахлынет снова, —
И в этот беге закипает ямб... 126

126 Э. Багрицкий, "Одесса", Стихи и поэмы, Москва, Изд. "Художественная литература", 1964, стр. 315-316.

Багрицкий всегда признавал Нарбута одним из своих учителей. Нарбут помог молодому поэту в стилистическом оформлении. Переход от эстетической ирреальности его ранних стихов к натурализму такой вещи, как произведение "Трактир", был облегчен для Багрицкого примером Нарбута.

Другим своим учителем из современников Багрицкий считал Сельвинского, руководителя конструктивистов. Творческое влияние Сельвинского периода "Улягаевщины" на Багрицкого было глубоко и плодотворно. У Багрицкого, как и у Нарбута и у Сельвинского, в основе стихотворения постоянно лежит образ. Этот образ прямо отражает об'ективную действительность — он не метафорический, как образ у Маяковского. Влияние Сельвинского творчески перерабатывалось Багрицким. "Дума про Опанаса" /1926/ конструктивистична тем, что она вся строго выдержана в определенном словесном "ключе" и в определенной системе образов. В этих стихах Багрицкий достиг цельности и единства чисто стилистическим путем.

Метод композиции Багрицкого связан с методами конструктивизма, но поднимает на высшую степень. Формальная насыщенность у Багрицкого соединена с простотой и прозрачностью формы. Потому Багрицкий поэт для читателей, тогда как Сельвинский прежде всего поэт для поэтов.

В статье "Записки писателя" Багрицкий утверждал:

"Стихотворение — это прототип человеческого тела. Каждая часть на месте, каждый орган целесообразен и несет определенную функцию."

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 79

Я сказал бы, что каждая буква стиха похожа на клетку в организме, — она должна биться и пульсировать. В стихе не может быть мертвых клеток. Аппендицит абсолютно невозможен. Стихотворение рождается без слепой кишки".¹²⁷

Стихи Багрицкого действительно напоминают живой организм.

Каждая строка и буква "играет" в связи с общим.

В произведении "Дума" Багрицкий в полной мере использовал богатства русского языка. Сюжет поэмы взят из реальной действительности — в поэме нет ни одной неправдоподобной черты. Новаторство Багрицкого не только в острой постановке и разрешении темы — оно в современности образа и в полноте языка.

Поэт показался в "Думе" чрезмерно простым и ясным. В поэме звучит мощный хор голосов, который сопровождает Опанаса и жалеет о его загубленной жизни:

— За волами шел когда-то,
Воевал солдатом...
Ты ли в сахарное утро
В степь выходишь катом? —

И раскинутая в плясе
Голосит округа:
— Опанасе! Опанасе!
Катюга! Катюга! ¹²⁸

Этот хор является носителем народной совести. Живописные панорамы украинской земли и сцены сражения придают поэме монументальность эпического повествования. В творчестве

¹²⁷ "Записки писателя", "Октябрь", № 4, стр. 178.

¹²⁸ Э. Багрицкий, Стихи и поэмы, стр. 86.

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 80

Багрицкого происходит слияние лирики и эпоса — процесс характерный для советской поэзии.

В годы революции и гражданской войны Багрицкий попал в круговорот событий большого жизненного масштаба. От версификаторства в стиле акмеистов Багрицкий перешел не сразу к поэтическому освоению советской современности. Воспитан на образцах и нормах старой литературы на первых порах он оставался каким-то чужим перед словами созданными революционной современностью.

В период гражданской войны и в начале 20-х годов Багрицкий написал большое число публицистических стихотворений на революционную тему. Стихи интересные в плане творческой эволюции поэта, но большой художественной ценности не представляли.

В творчестве Багрицкого 20-х годов он все дальше и дальше выводил своего героя из сферы романтических отношений: он показан не в экзотических странах и не в боях, а в обстановке русской современности периода НЭП. В поэзии Багрицкого протекал процесс деэстетизации старых поэтических канонов. Тем не менее, Багрицкий оставался не в малой степени верен романтическому началу.

В конце 20-х — начале 30-х годов большое место в творчестве Багрицкого занимала тема современного поколения. Биография современника развернута здесь как трудный, даже мучительный путь:

Мы навык воинов приобрели,
 Терпенье и меткость глаз,
 Умение хитрить, умение молчать,
 Умение смотреть в глаза.¹²⁹

Романтические устремления и пристальное внимание к современному миру характерны для стиля Багрицкого. Любовь поэта к живой плоти, к веществу, к материи, проявлялась многообразно.

Я встречу дни, как чаши, до краев
 Наполненные молоком и медом ...¹³⁰

Мир открывшийся поэту — плотский. И свой поэтический материал — "слово" — Багрицкий воспринимал как живую плоть. Он учил "словам, как мед тяжелый, сладким и душистым",¹³¹ чувствовал их, "как плодовый сок".¹³² Эта глубокая любовь к "тяжелому" слову чувствуется особенно в стихотворении "Арбуз". Картина мутного моря приобретает большую материальную ощутимость за счет густых сочных слов:

Свежак надывается. Прет на рожон
 Азовского моря корыто.
 Арбуз на арбузе — и трюм нагружен,
 Арбузами пристань покрыта.¹³³

Багрицкий навсегда был поражен чудом органической материи, физиологией живого вещества.

129 Э. Багрицкий, Стихи и поэмы, стр. 173.

130 Там же, стр. 44.

131 Там же, стр. 262.

132 Там же, стр. 48.

133 Там же, стр. 62.

Из передовых писателей под сильным влиянием старых традиций как, например, Тихонова, Саянова и Багрицкого, не каждый мог сказать так решительно и безоговорочно, как сказал Маяковский: "Моя революция". По дороге, указанной предшественниками, пошла литературная молодежь навстречу революции. Первое поколение советских писателей, в том числе Тихонов, Саянов и Багрицкий, стояли лицом к лицу с необходимостью подчиниться новому строю и новому созданию революционной литературы.

... By choosing to sing of outlaws and outcasts, Bagritskij and his companions attempted the only kind of romantic escape which was still possible at that time; yet by doing so they reduced poetry to a picturesque fancy, episodic and anecdotal, superficial and fragmentary, in brief, almost to a parody of itself.

It was by following the line of least resistance that these and other would-be pioneers of Soviet poetry were led into bypaths without issue. Starting as neoterici, they ended as epigones, precisely because they failed to realize that the great achievements of art are attained only by those who stay on the royal road, which is often the hardest to travel on. 134

Многим поэтам этого первого поколения советских писателей нужно было отказаться от чисто лирических форм. Всякое выражение личного ощущения и личного переживания казалось враждебным и несозвучным режиму. Советские критики никогда не переставали подчеркивать вредное и отрицательное

134 Renato Poggioli, op. cit., p. 321.

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 83

влияние "буржуазно-поэтического" лагеря "декадентов":

Реакционный характер акмеизма, как и всей буржуазной литературы, во всей силе обнаружился после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Акмеизм и его окружение стали средоточием наиболее реакционных элементов в поэзии. Акмеисты теперь уже не противопоставляют себя символистам и другим буржуазным политическим группам, а наоборот, проповедуют консолидацию на почве общего неприятия советской действительности. В буржуазной поэзии становится популярной идея аполитичного, чистого, "беспартийного" искусства. Знаменосцем "беспартийности" становится Гумилев, участник контрреволюционного заговора против советской власти.

Октябрьская революция вызвала дифференциацию в среде акмеистов и определила их различные пути в послереволюционные годы: одни закончили путь в лагере контрреволюции и эмиграции; другие замолчали, не имея общего языка с советским народом. Ряд поэтов /С. Городецкий, А. Ахматова, М. Зенкевич/ вошли в советскую поэзию, испытав на себе влияние новой, социалистической действительности. В своем творчестве советских лет они отошли от эстетических принципов акмеизма, которые оказались чуждыми новой, советской эпохе.¹³⁵

Несмотря на непрерывное поношение этого рода в советской критике, в действительности советская поэзия еще не дала ничего приближающегося к уровню достигнутому акмеистами. На самом деле, по нашему мнению, уровень творчества советских писателей Тихонова, Саянова и Багрицкого достиг наивысшей степени в ранние годы, когда они увлекались художественной литературой адамистов-акмеистов. Тяжелая утрата этого воодушевления имела печальные результаты в более позднем творческом труде этих поэтов. Невозможность выражать свои жизненные опыты и переживания понижала качество деятельности этих писателей. Они больше не могли создать настоящих художественных ценностей, заслуживающих сравнения со своими

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 84

ранними эстетическими достижениями.

Время от времени советские писатели стремятся оторвать искусство от конкретных задач эпохи, пытаются слагать "сладостные легенды", противостоящие "грубой жизни" существующей действительности. Такие отклонения от метода "соцреализма" неизбежно подвергаются строгой критике и суровой репрессии.

Герои советской литературы — это люди, строящие новую "светлую" жизнь. Эти новые люди — народ, трудящиеся. Нельзя упоминать, как это сделал гениальный поэт и прозаик Борис Пастернак, личных сомнений и колебаний простых советских людей. Советская литература взяла на себя ответственность приобщать широкие массы к новому виду мира и вселять в них твердые надежды на возможность победы социалистической справедливости. Критики безжалостно налагали писателям обязательство создать художественный образ Советского Союза в борьбе за лучшее будущее.

До этого времени советской поэзии не удалось достигнуть наивысшего уровня и блеска предшествующего "Серебряного века", когда художники "акмеисты" играли такую важную роль.

135 А. А. Волков, Русская литература XX века, Москва, Издательство "Просвещение", 1964, стр. 414-415.

ВЕК

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

Тварь, покуда жизнь хватает,
Донести хребет должна,
И невидимым играет
Позвоночником волна.
Словно нежный хрящ ребенка —
Век младенческой земли,
Снова в жертву, как ягненка,
Темя жизни принесли.

Чтобы вырвать жизнь из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.
Это век волну колышет
Человеческой тоской,
И в траве гадюка дышит
Мерой века золотой.

И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век.
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап. 136

/1923/

Только в одном сошлись два века: в трагической судьбе своих поэтов. Погибли Блок и Гумилев, покончили с собой Есенин и Маяковский, замучены Мандельштам, Пастернак

136 О. Мандельштам, "Век", Собрание сочинений, стр. 118.

АКМЕИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 86

и многие другие. Изображение личного ужаса в советской литературе упорно запрещено. Еще нельзя писать, как писал Мандельштам:

Мы живем, под собою не зная страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на подразговорца, —
Там поманут кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг его сброд толстокожих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Как подковы кует за указом указ —
Кому в лоб, кому в бровь, кому в пах, кому
В глаз.

Что ни казнь у него, — то малина.
И широкая грудь осетина.¹³⁷

137 О. Мандельштам, Собрание сочинений, 1964, стр. 195-196.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы видим, новое акмеистическое течение вовсе не являлось антагонистическим по отношению к символизму. Воюя с символизмом по теоретическим вопросам, акмеисты тем не менее всегда признавали свою преемственность от него.

После довольно внимательного обследования этих двух течений нам кажется, что акмеистическое явление было просто логическим завершением символистического течения. Стихи Гумилева, особенно первого периода, носят в себе характерные признаки символистической поэзии. Суб'ективизм и импрессионизм Осипа Мандельштама восходит непосредственно к Анненскому. Тем не менее, при понимании акмеизма как подлинного символизма /в отличие от "лже-символизма"/, Гумилева и Мандельштама можно считать, пожалуй, верными акмеистами.

Советский критик А. А. Волков в Поэзии русского империализма утверждает, что Гумилев наиболее значительная фигура в акмеизме. Это представление о превосходстве Гумилева продолжает существовать и в советской и в другой критике. В статье "The Silver Age of Russian Poetry" (Canadian Slavonic Papers, vol.4), проф. Леонид Страховский выдвигает на первый план акмеистического движения творчество Гумилева — потом, поэзию Ахматовой, и в-третьих, литературную деятельность Осипа Мандельштама. Мы с этими критиками не согласны. Совершенно верно, что Гумилев играл важнейшую

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

88

роль вдохновенного организатора в акмеистическом лагере: он твердо утверждал поэзию как ремесло. Кроме того, истинная законченность и красота его экзотической поэзии обеспечивает ей место в передовой линии русской поэзии. Однако, по нашему мнению, Осип Мандельштам как поэт был выше Гумилева — глубже и весьма разнообразнее.

Мы читали с удовольствием предисловие проф. Струве по поводу О. Э.: "Акмеистического задора было в нем, пожалуй, даже больше чем в самом Гумилеве . . ."

В отношении утонченной прозы Мандельштама Н. Верковский в книге Текущая литература пишет: "В советскую прозу несут сейчас лучшие вклады поэты . . . и поэтический триумvirат Мандельштам — Пастернак — Тихонов в мастерстве прозаической речи идут, быть может, первыми . . ."

Очевидное влияние акмеистов на советских поэтов появляется от Тихонова до Багрицкого. Даже в настоящее время следы акмеистического влияния очевидны: у многих современных поэтов преобладает увлечение художественной формой — темы этих поэтов также напоминают темы передовых акмеистов. Восхваление героизма и жизненных сил в советской поэзии сильно напоминает поэтическую традицию Гумилева. "Malaise" Мандельштама отдается как эхо в мучительной поэзии Слуцкого. В голосе Беллы Ахмадулиной постоянно слышатся тоска и отчаяние трогательной поэзии Анны Ахматовой.

Советские критики продолжают неистово ополчаться против словесных экспериментов. Между тем, Слуцкий и многие из других модернистов и либералов — ревностные специалисты "слова". Так называемые критики-догматисты определяют это смелое искание как болезненный формализм или как "обезьяновидное" подражание декадентским футуристам и акмеистам. Ясно, что эти критики упорно отказываются признать широкое влияние акмеизма на современную советскую поэзию.

Недостаточное или извращенное понимание акмеистического влияния на современную поэзию в Советском Союзе требует более глубокого, более беспристрастного изучения этого важного явления. Такая об'ективная и цельная оценка акмеистического движения и его неоспоримого влияния на последующую русскую поэзию могла бы быть ценным вкладом в серьезное изучение литературных течений первой половины XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Первоисточники:1. Книги и статьи Осипа Мандельштама:

а/ Книги стихов:

КАМЕНЬ, Петербург, Изд-во "Акме", 1913.КАМЕНЬ, Первая книга стихов, Москва, Госиздат, 1923.TRISTIA, П.-Берл. Изд-во "Петрополис", 1922.Вторая книга, Москва-Петербург, Изд-во "Круг", 1923.Два трамвая, Стихи для детей, Ленинград, 1925.Кухня, Стихи для детей, Ленинград, Изд-во "Радуга",
1926.Стихотворения, Москва-Ленинград, Госиздат, 1928.Стихотворения, Воздушные пути 3, 1963, стр. 19-23.

б/ Художественная проза:

Шум времени, Очерки, Ленинград, Изд. "Время", 1925.Египетская марка, Ленинград, Изд. "Прибой", 1928.

в/ Книги о литературе:

О природе слова, Харьков, Изд. "Истоки", 1922.О поэзии, Сборник статей, Изд. "Academia", 1928.

г/ Собрания сочинений:

Осип Мандельштам, Собрание сочинений, Нью Йорк, Изд.
им. Чехова, 1955.Осип Мандельштам, Собрание сочинений, в двух томах,
под редакцией проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова,
Inter-Language Literary Associates, Вашингтон, 1964.

БИБЛИОГРАФИЯ

91

2. Книги и статьи других акмеистов:

Ахматова, Анна, Избранные стихотворения, Нью Йорк, Изд. им. Чехова, 1952.

Городецкий, Сергей, Собрание стихов, С.-Петербург, издание Т-ВА, М.О. Вольф, 1910.

-----, Стык, Сборник стихов, Москва, Изд. Московского Цеха Поэтов, 1925.

-----, "Некоторые течения в современной русской поэзии", "АПОЛЛОН", № 1, 1913 г. /статья/

Гумилев, Николай, Избранное, Париж, Librairie des cinq continents, 1959.

-----, Собрание сочинений, т. 1, Вашингтон, Изд. V. Kamkin Inc., 1962.

-----, "Наследие символизма и акмеизм", "АПОЛЛОН", С.-Петербург, 1913, № 1, стр. 42-46.

-----, "Письма о русской поэзии", "АПОЛЛОН" Петроград, 1914 г., № 1-2, 1923. /статья/

Зенкевич, Михаил, Избранные стихи, Советская литература, 1912, 1933.

-----, "Смерть лося", "АПОЛЛОН", 1913.

-----, Сквозь грозы лет, Стихи, Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1962.

Иванов, Георгий, Петербургские зимы, Нью Йорк Изд. им. Чехова, 1952, стр. 113-128.

Нарбут, Владимир Иванович, Стихи, Изд. "Дракон", СПб, 1910 г.

-----, Аллилуиа, Изд. "Цех поэтов", СПб, 1912 г.

-----, Стихотворения, "АПОЛЛОН", № 3, март 1913 г.

-----, Советская земля, Харьков, 1-я Интернациональная советская тип., 1921.

3. Книги наследников:

Багрицкий, Эдуард, Собрание сочинений, в двух томах, Госиздат "Художественная литература", 1938.

-----, Стихотворения, Вступ. Статья и редакция текста И. Гринберга, Ленинград, "Совет. писат.", 1940.

БИБЛИОГРАФИЯ

92

Багрицкий, Эдуард, Стихи и поэмы, Москва, Издательство "Художественная литература", 1964.

Саянов, В., "Поэмы великого идеологического наступления, "Звезда", 1949, № 3.

Тихонов, Николай, Брага, М.-Пр., "Круг", 1922.
-----, Избранное, Советский писатель, 1948.
-----, Избранные произведения, т. 1, Гослитиздат, 1955.

Б. Второстепенные источники и пособия:

Абрамкин, В., и Лурье, А., Творчество Виссариона Саянова, Лениздат, 1959.

Проницательное обсуждение вопроса обогащения поэтического языка В. Саяновым.

Азаров, Всеволод, "Багрицкий и современность", "Новый мир", Москва, Издательство "Известия советов депутатов трудящихся СССР, № 7, 1948, стр. 201-214.

Критик Азаров подчеркивает, что новаторство Багрицкого не только в острой постановке и разрешении темы — оно в современности образа, в богатстве и полноте языка. В его поэзии, по мнению Азарова, Багрицкий утверждает непрерывное развитие индивидуальных способностей человека. "Мы" и "я" в лирике Багрицкого слиты воедино, но это не "мы" Пролеткульта, а светлый "мы" надежды.

Айхенбаум, Борис, Анна Ахматова, Опыт анализа, П., 1923.

Автор рассматривает поэтический стиль Ахматовой, замечательное сжатие формы и силу выражения поэтессы, в противоположность высокопарности и многоречивости символистов. Айхенбаум умно утверждает, что вопрос перехода от символизма к акмеизму состоит в употреблении языка более чем в мировоззрении поэтов этих двух течений. Сжатая, даже неловкая речь Ахматовой играла значительную роль в освобождении языка поэзии от традиций символизма.

Бурлаков, Н., Пелисов, Г., Уханов, И., Русская литература XX в.

Довольно предубежденный обзор "декадентов" XX века, "которые вытащили на свет теорию 'искусства для искусства'". По мнению этих критиков, мотивы символистов и акмеистов в равной степени крайне субъективны в их поэтизации тоски, уныния и смерти, то есть, в стихах и символистов и акмеистов мы видим прежде всего самого поэта.

Бушман, Ирина, Поэтическое искусство Мандельштама, Мюнхен, Институт по изучению СССР, 1964.

Взгляды и выводы автора Ирины Бушман по поводу художественного творчества Мандельштама весьма своеобразные и ценные. Ее проницательный анализ литературных приемов этого поэта представляет большой интерес для любителей творчества Мандельштама.

Верковский, Н. Текущая литература, статьи критические и теоретические, Москва, Изд. "Федерация", 1930.

В его искусном анализе стиля Мандельштама Верковский оказывается очень компетентным исследователем литературной деятельности выдающегося акмеиста.

Владиславлев, И. /Гульбинский/, Литература великого десятилетия /1917-1927/, т. 1, Москва, Госиздат, 1928.

Полезное в виде подробного исследования литературы в течение 1917-1927 годов.

-----, Русские писатели, Москва, Гос. Изд-во, 1924. /микрофильм/.

Очень ценная справочная книга, но довольно устарелая и по форме и по содержанию.

Воздушные пути, Альманах 2, Нью Йорк, редактор-издатель Р. Н. Гринберг, 1961.

Наиболее серьезные критики Владимир Вейдле, Юлий Марголин, Борис Филиппов пишут о Мандельштаме и Ахматовой в самых восторженных выражениях.

Волков, А. А., Русская литература XX века, Издательство "Просвещение", 1964.

Мы согласуемся со мнением этого критика, что акмеизм не может быть резко противопоставлен символизму. Волков указывает текст Городецкого, где лидер акмеистов пишет, что "борьба" с символизмом напоминает скорее "занятие покинутой крепости". Как большинство советских критиков, Волков упрекает акмеистов в диссонансе и несозвучии эпохе. Он видит акмеистическое течение как явление, выражающее все "наиболее реакционные черты декаданса".

Жирмунский, В. М., "Задачи поэтики", Вопросы теории литературы, Ленинград, 1928.

Виктор Жирмунский — один из самых выдающихся умеренных формалистов. Он главным образом интересовался вопросами поэтического стиля как "телеологического единства" приемов рассчитанного на эстетический эффект. Иначе говоря, он видел поэзию как словесное искусство.

БИБЛИОГРАФИЯ

94

Жирмунский, В. М., "Преодолевшие символизм", Русская мысль, № 12, Москва, 1916.

В этой статье критик Жирмунский формулирует литературно-политическую линию. Автор щедро награждает акмеистов званием продолжателей пушкинской традиции.

Кузмин, Михаил, "О прекрасной ясности", АПОЛЛОН, январь, 1910 г.

-----, "Письма о русской поэзии", АПОЛЛОН, № 2, 1912 г.

В этих ценных статьях Кузмин высказал целый ряд требований и указал путь к преодолению символизма. Поколение поэтов, которое следовало за Кузминым, может быть названо, по словам Жирмунского, "преодолевшим символизм".

Козьмин, Б. П., "Писатели современной эпохи: библиографический словарь русских писателей 20-го века", т.1, Москва, Государственная академия художественных наук, Социологическое отделение, Труды, Вып. 1, 1928.

Надежный источник сведений. Этот труд служит главным образом фоном акмеистического движения.

Любарева, Е., Эдуард Багрицкий, Жизнь и творчество, Советский писатель, Москва, 1964.

Современный остропроницательный портрет знаменитого советского поэта Багрицкого.

Мирский, Д. С., "О. Мандельштам: Шум времени", Совр. Записки 25, 1925.

Критик Мирский — постоянно надежный источник сведений. В этой статье он подчеркивает значение прозаического произведения Мандельштама "Шум времени".

Мочулский, К. В., "Поэтическое творчество Анны Ахматовой", Русская мысль, т. 3-4, стр. 185-201, София, 1921.

Разумный анализ прелестной поэзии Анны Ахматовой.

Одоевцева, Ирина, "На берегах Невы", Новый Журнал, Нью Йорк, кг. 71, 1963.

Ирина Одоевцева дает яркий портрет Мандельштама, описывая с восторгом самого поэта и волнующие его стихи на литературных вечерах в Петербурге. Проницательные анекдоты поэтессы обнаруживают простые манеры и глубокое мужество Мандельштама.

Рогачевский, В. Львов, Новейшая русская литература, Москва, изд. "Мир", 1927.

В этой книге Рогачевский дает полезные данные общего характера.

БИБЛИОГРАФИЯ

95

Селивановский, Алексей, Очерки по истории русской поэзии, Москва, Госиздат, "Худ. Лит.", 1936.

В своих "Очерках" Селивановский заново анализирует исторический материал и пересматривает вопрос возникновения и развития советской поэзии.

Сельвинский, И., "Конструктивисты за год", газета "Известия ЛЦК", август, 1925 г.

Храбрая попытка примирить цели конструктивизма с твердыми требованиями революции.

Сорокин, В. И., Теория литературы, Москва, Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения, РСФСР, 1960.

Очень полезное пособие. Автор внимательно рассматривает основные элементы в композиции художественного произведения.

Стуков, Георгий, "Новое о судьбе Мандельштама", с приложением шести неопубликованных стихотворений, Мюнхен, Мосты: Литературно-художественно-политический альманах, Цопэ, т. 10, 1963.

Эта современная статья проливает новый свет на печальную судьбу Осипа Мандельштама в годы гонений и ссылки во Владивосток.

Шошин, В., Николай Тихонов, Москва, Ленинград, Издательство академии наук СССР, 1960.

Довольно интересный очерк творчества Николая Тихонова, но Шошин не признает обязанности этого писателя акмеистам.

Эренбург, Илья, Портреты русских поэтов, Берлин, "Аргонавты", 1922 г.

Очень полезный источник.

История русской литературы, гл. 6, "Поэзия", М-Л, Изд. Акад. Наук, СССР, 1954.

Справочник. Очевидно, как во многих советских источниках, предубеждение против всех видов "декадентского литературы".

Советская "Литературная Энциклопедия", 6, 757.

Из этого справочника мы выписали несколько полезных указаний по литературе написанной во время революции.

BIBLIOGRAPHY

96

Dunham, Vera S., "Poems about Poems: Notes on Recent Soviet Poetry", Slavic Review, Vol. XXIV, No. 1, March, 1965.
Helpful in assessing continuation of Acmeist influence up to present day.

Harkins, W. E., Dictionary of Russian Literature, London, Allen and Urwin, 1957.

An important source of reference in the field of Russian literature -- contains reliable and useful material.

Makovskij, S., "Nicolas Gumilëv (1886 - 1921). Un témoignage sur l'homme et sur le poète", Cahiers du monde russe et soviétique, Paris-La Haye, Mouton & Co., 1962.

This French publication introduces its readers to the Acmeist leader, Gumilyov -- an excellent profile of the poet written by the editor of the Acmeist periodical Apollon.

Mirsky, Prince D. S., A History of Russian Literature, New York: Alfred A. Knopf, 1955.

A 'sine que non' in every student's bibliography of sources. If Mirsky has been "quoted to death" in countless student assignments and seminar reports, it is precisely because of the concise and reliable information contained in this book. With regard to its use in preparation of this thesis, Chapter "Poetry after 1910" served as a brief and succinct synopsis of work of Gumilyov and the Poets' Guild, as well as that of Akhmatova and Mandel'shtam.

Poggioli, Renato, The Poets of Russia, 1890 - 1930, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1960.

An excellent detailed study of the poets and their work in period noted in the title. Professor Poggioli's great erudition and depth of analysis makes this book an indispensable source of information.

Slonim, Mark, Modern Russian Literature from Chekhov to the Present, New York, Oxford Univ. Press, 1953.

A very good complement to the Mirsky text. Contains useful information presented in pre-eminently readable form.

Slonim, Mark, et Reavey, George, Anthologie de la littérature soviétique, Paris: Gallimard, 1935.

Reliable source of general information.

Strakhovsky, L. I., Craftsmen of the Word. Three Poets of modern Russia, Cambridge, Mass: Harvard Univ. Press, 1949.

This fascinating study of the Acmeists Gumilyov, Akhmatova and Mandel'shtam inspired this student's interest

BIBLIOGRAPHY

97

in the work of Osip Mandel'shtam and prompted the undertaking of previous M.A. thesis (with personal encouragement of Professor Strakhovsky in 1961-62) entitled: "Proust et Mandel'shtam à la recherche du temps perdu", as well as this present thesis.

Strakhovsky, L.I., "Osip Mandel'shtam, Architect of Words", Russian Review, I, 1948.

Shrewd analysis of artistic wizardry and painstaking genius of Mandel'shtam.

-----, "The Silver Age of Russian Poetry", Canadian Slavonic Papers, Vol. 4.

Informative review of the Acmeist movement, but we take exception to Prof. Strakhovsky's contention that the poetic skill of Gumilyov surpassed that of Mandel'shtam.

Struve, Gleb, "La prose des poètes", Histoire de la littérature soviétique, transl. B. Metzel, Paris, Editions du Chêne, 1945.

Since this thesis is concerned with Mandel'shtam's poetry rather than with his prose, the above source served only incidentally as a reference.

-----, Introduction to Collected Works of Osip Mandel'shtam, Chekhov Pub. House, New York, 1955.

An indispensable source of reference with regard to the literary work of Mandel'shtam. In his valuable assessment of the quality of Mandel'shtam's artistry, Professor Struve shows deep sensitivity and perception.

Stuckow, George, "The Fate of Osip Mandelstam", Survey: A Journal of Soviet and East European Studies, XLVI, Jan., 1963, pp. 151-155.

In view of the fact that there is a dearth of reliable information with regard to exact date and circumstances of Mandel'shtam's death, George Stuckow's article performs a valuable service in bringing readers up-to-date concerning the tragic fate of the poet.

Zavalishin, Vyacheslav, Early Soviet Writers, New York, Frederick A. Praeger, 1958.

A text replete with penetrating comments on the work of early Soviet writers. This book is an important source of both general and detailed information with regard to the Acmeist movement.

ABSTRACT OF

A Survey of the Development of the Acmeist Movement
with Special Attention Given to
the Literary Work of Osip Mandel'shtam¹

The present growing interest (evidenced in the Soviet Union and abroad) in the consummate artistry of the Acmeist poet Osip Mandel'shtam points to the need for a more intensive survey of the literary activity of this talented writer against the background of the Acmeist movement of the XXth c.

To date, very little has been written with regard to the significance of the Acmeist contribution to Soviet literature: the unquestionable influence of Acmeist writers N. Gumilyov, Anna Akhmatova, O. Mandel'shtam, M. Zenkevich and V. Narbut on their Soviet successors has not been fully explored. Much unfavourable criticism has been levelled by Soviet critics against the Acmeist "decadents". These critics, although admitting early Acmeist influence in the work of several Soviet writers, nevertheless deplore this "pernicious" tendency, regarding it simply as a regrettable experimental phase in these poets' progress toward the literary doctrine of Socialist Realism.

¹ Anne M. Iverson, master's thesis presented to the Department of Slavic Studies of the University of Ottawa, Ontario, April, 1966, x - 101 p.

ABSTRACT

The neo-classical movement called Acmeism (derived from the Greek ἄκμῃ , 'highest point' or 'flowering') developed at the beginning of the second decade of the XXth c. as an artistic reaction against the mystical obscurity of its predecessors, the Symbolists. However, as indicated in this thesis, Acmeism proved to be not so much an overthrow as a reformation or logical development of the Symbolist movement. Acmeists placed stress on the word as such, on precise logic in poetical construction, on the importance of form as well as content. Symbolism, on the other hand, stressed the musical and the connotative in their attempts to penetrate into other spheres.

As stressed in this dissertation, there was considerable variance between the theory of Acmeism and its actual practice. The literary credo of Acmeism, or "Adamism" as it was also known, emphasized plasticity in craftsmanship and a return to realism, to the substance and beauty of this world. Nevertheless the poetry of the Acmeists did not always give a clear-cut, true portrayal of reality. Abstract and mystical-religious imagery pervaded the exotic verse of the Acmeist leader Gumilyov. Mandel'shtam feared reality, sought escape in an illusory phantom world -- his poetry was not so much a direct reflection of life as a reflection of its reflection and embodiment in such literary and artistic works of art as the plays of Racine, the cathedral of Notre

ABSTRACT

100

Dame, the paintings of Monet and Van Gogh. Mandel'shtam's later poetry reveals many symbolist tendencies, both in variety of form and abstruseness of content. A. Akhmatova consciously aspired to a poetry of this world, but often wrote in a subjective, quasi mystical fashion. S. Gorodetsky proved to be a theoretician and propagandist of the Acmeist theory rather than an actual literary practitioner of this doctrine. Narbut and Zenkevich, to a much greater extent than the other Acmeists-Adamists, turned to Mother Earth. The artistic traditions of the Symbolists are much less perceptible in the vividly naturalistic, often crudely physiological poetry of these two poets.

Acmeism as a literary movement had already begun to disintegrate in the first period of the revolution. Several of its members, among them Gumilyov, Akhmatova and Mandel'shtam, were unable to reconcile themselves with the Revolution. Others, for example Gorodetsky, Narbut and Zenkevich, endeavoured to enter the ranks of Soviet poetry. (In their materialistic outlook on life and constant rejection of aestheticism these latter two poets were the closest to Bolshevik ideology). Despite their efforts they were unable to adapt themselves successfully to the new literary techniques and the quality of their later poetry never regained the level of their pre-revolutionary output.

ABSTRACT

101

The artistic influence of the Acmeist credo did not lessen appreciably, in spite of the unfortunate lack of success of its members in Soviet literature. Acmeist devices were discernible not only in the creative work of N. Tikhonov, V. Sayonov, E. Bagritsky, but also in the poetry of Boris Slutsky, Bella Akhmadulina and many of the younger poets. Although Soviet critics continued to oppose obdurately all "formalistic" experimentation, nonetheless many of the later Soviet poets revealed themselves as enthusiastic and competent verbal craftsmen.

In this thesis the writer has taken into consideration the most significant features of the development of the Acmeist movement from its initial stages up to the present day -- with particular emphasis given to the considerable literary contribution of one of its most outstanding representatives, Osip Emilievich Mandel'shtam.

The extent of the Acmeist contribution to Russian literature still awaits detailed objective assessment. In its stress on architectural-sculptural poetic devices, in its vivid plastic imagery and rhythmic perfection patterned on classical models, in its exquisite epigrammatic restraint, Acmeism has played a most significant rôle in the perfecting of artistic form. The author of this thesis places the poet Osip Mandel'shtam in the foremost position of this literary movement -- as its most dedicated leader and poet.